

А.И.Кузнецов

АРКТИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

15 месяцев арктического плена

2 месяца дрейфа на отколовшейся льдине

Зимовка на острове Генриетты

Издательская группа
**КРУГЛЫЙ
СТОЛ**

12+

Александр Кузнецов
Арктическая одиссея

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кузнецов А. И.

Арктическая одиссея / А. И. Кузнецов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

В основе остросюжетной книги «Арктическая одиссея» – дневник полярного Робинзона 20-летнего Александра Кузнецова, который волей случая попал в арктический плен. Невероятно, но всем смертям назло он выжил. Накал страстей пробирает душу. Судите сами:• 15 месяцев арктического плена• 2 месяца дрейфа на отколовшейся льдине• схватка с белым медведем... Книга в яркой манере рассказывает о том, как даже в 20 лет можно ставить большие цели, мыслить масштабнее и раздвигать границы своих возможностей, заходя далеко за пределы зоны комфорта.

Содержание

В книге «Арктическая одиссея» мастерски описаны события:	5
Им говорим спасибо	6
Дорогой читатель!	7
Благодарим	8
А.Кузнецов. Вместо предисловия	9
Дней через пять вернемся	12
Должны же нас искать!	15
Неужели медведь?!	24
Три выстрела	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**В книге «Арктическая одиссея»
мастерски описаны события:**

Схватка с медведем

Попытка самоубийства одного из полярников

Встреча с американцами, которые избили и ограбили отчаянных пленников

Им говорим спасибо

Генеральный партнёр издания книги: С.Л. Зорин

Почётные партнёры:

А.А. Дугин

Д.А. Соколов

Ю.А. Ермаков

С.В. Степанов

В.Г. Матвеев

С.А. Цифров

Н.Ю. Литвинова

Дорогой читатель!

Волею случая ко мне попали дневниковые записи нашего земляка Александра Кузнецова, которые за три года работы удалось изучить и отчасти даже восстановить. В них шла речь о том, как в апреле 1951 года он вместе с двумя зимовщиками полярной станции – метеорологом Виктором Пысиным и каюром Николаем Даниловым (произошедшие события раскрыли в нем лучшие качества коренных жителей Якутии) – попал в ледовый плен Арктики на долгие 15 месяцев... Бремя лидерства всегда берет на себя сильный духом, и Саша взял ответственность на себя. Полярники дрейфовали на отколовшейся льдине в Северном Ледовитом океане, зимовали на заброшенной полярной станции на острове Генриетты, охотились на белого медведя и рисковали, чтобы не быть раздавленными льдами... Это была жесткая схватка человека с Арктикой.

Природа щедро одарила Александра Кузнецова талантами, которые он проявил в абсолютно противоположных сферах деятельности. Одно только перечисление будоражит сознание: при жизни он состоялся как ученый, полярник, гидрометеоролог, педагог, музыкант (играл на баяне и гармонии), поэт, баснописец, увлеченный пчеловод... А еще он был изумительный собеседник и добрейшей души человек.

Нельзя не удивиться тому, что все время пребывания в арктическом плену Александр регулярно вел записи химическим карандашом на обрывках бумаги. Так родился дневник полярника, реальная история с захватывающим сюжетом, в которой нет и доли вымысла. Это повесть о том, как сила духа помогает бросить вызов стихии. И выжить.

Александр Иванович вернулся из Арктики только в 1955 году, в общей сложности проработав там пять с половиной лет. Поступил на географический факультет МГУ. В 1958 году женился. Его супругой стала юная школьная учительница Юлия Ивановна. Трудился в НИИ Министерства сельского хозяйства, защитил докторскую диссертацию, работал директором Пласкининской школы. Был лектором-международником: объездил многие города и страны. Его лекции по экологии «Охрана окружающей среды», «Человек и биосфера» и другие были глубоко научны, заставляли задуматься о предназначении человека на Земле.

Александр Кузнецов много лет молчал о том, что в Арктике с ними произошло событие, остававшееся долгие годы под грифом «секретно» как государственная тайна.

Благодарим

Огромное спасибо отзывчивым людям, благодаря которым Вы читаете эту книгу. Проект был размещен на сайте краундфандинговой компании народного финансирования «Бумстартер», получил поддержку и был признан успешным.

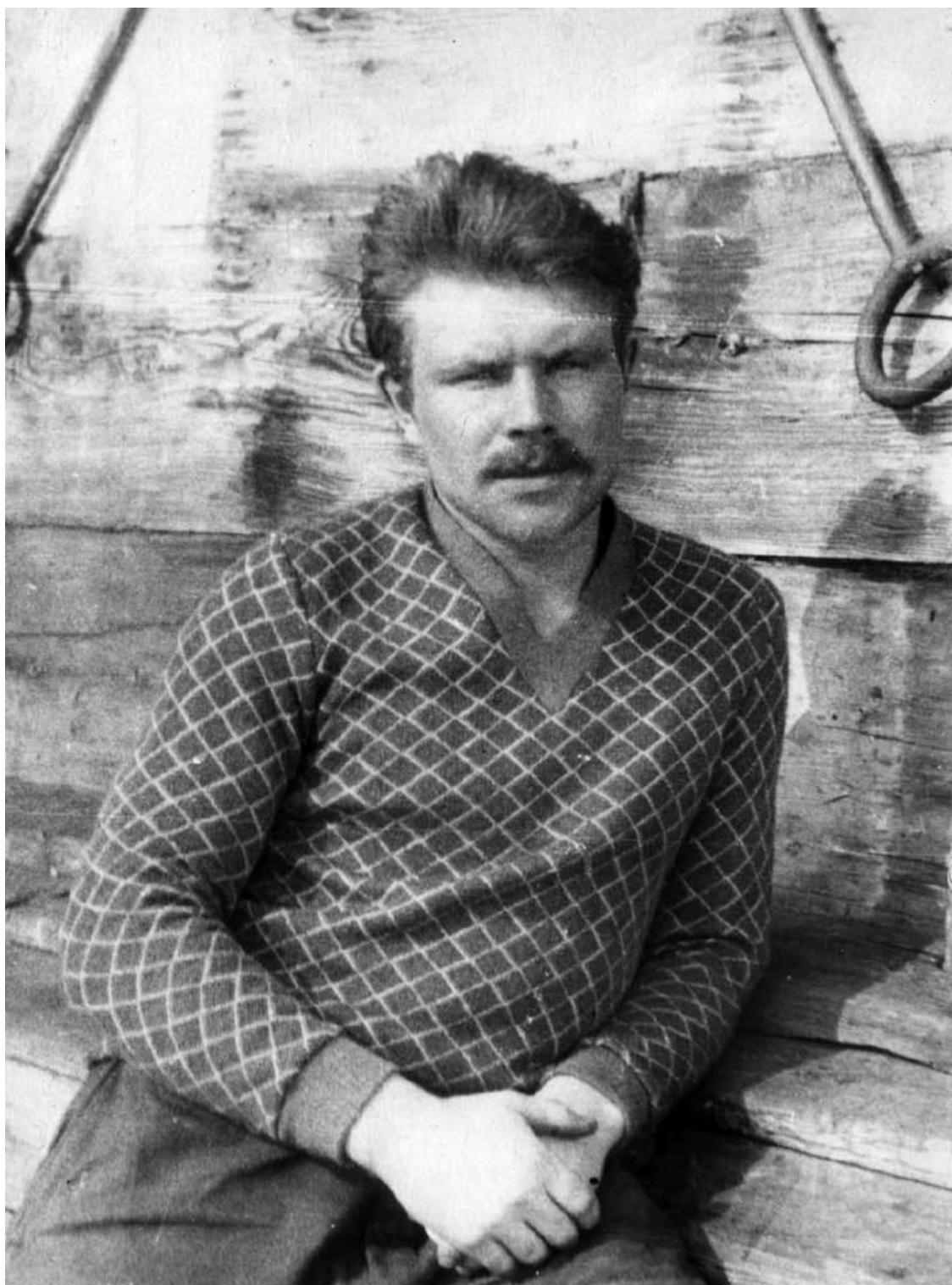
Особенно хочется поблагодарить жену Александра Ивановича Кузнецова – Юлию Ивановну, которая за эти годы стала для меня лично добрым другом и сподвижником в работе над книгой. Спасибо ей за всемерную поддержку идеи – издать уникальные дневники её мужа как книгу. Слова признательности хочется сказать художнику-иллюстратору Борису Сергеевичу Воробьеву – за его творческий подход и профессионализм.

Спасибо всем, кто верил в нас и делился живительной энергией.

Далее по нашему замыслу – художественный фильм.

Ирина Дмитренко, издатель

А.Кузнецов. Вместо предисловия

Однажды, разбирая свой архив, я обнаружил сильно потрепанные самодельные тетради. Это был мой дневник полувековой давности. Я думал, что он утерян, и, признаться, забыл про него. Когда учился и работал, было не до стародавних дневников и прочих записей, пошел на пенсию – работы и забот не убавилось.

В то давнее время работал в Арктике гидрометеорологом, и все записи при наблюдениях в полевых документах заполнялись химическим карандашом. Тогда не было шариковых ручек, и свой дневник я вел также карандашом. И вот я с трудом читаю полуистершиеся и выцветшие от времени слова на некачественной, пожелтевшей по краям бумаге.

Нередко я сокращал слова (была такая привычка: писать быстро и полусловами, но впоследствии я от нее избавился), и некоторые из них прочитать было затруднительно, порой невозможно, так что если бы эти записи пришлось кому-то читать, то он не везде и разобрался бы в них. Я решил переписать его, а после частичной обработки перепечатать на пишущей машинке. Обработка же заключается в восстановлении по смыслу предложений из-за неразборчивых слов и фраз, в некоторой литературной обработке. Конечно, это будет не подлинник, но меня это не огорчает: писал я для себя и своих близких, мне ценны воспоминания о моем суровом прошлом. А эти полуистлевшие, с полуразборчивым текстом листки можно и выбросить.

Предварительно хочу сказать о сути тех событий. Теперь они «дела давно минувших дней». В конце мая 1950 года после окончания спецкурсов полярных работников нас, группу ребят-полярников, срочно направили через Владивосток в восточный сектор Арктики. Готовили по сжатой и усиленной программе (радисты и гидрометеорологи). Курсанты, которые должны работать в западном секторе Арктики («западники»), в это время продолжали учебу.

Первая моя зимовка проходила на полярной станции «Остров Четырехстолбовой», на одноименном острове в составе Медвежьего архипелага, расположенном в Восточно-Сибирском море. На станции работали 14 человек: гидрометеорологи, аэрологи, радисты, актинометрист, механики, повар и начальник станции.

Каждый год в начале весны гидрометеорологи должны делать ледовый разрез. Так было и в тот злополучный для меня и моих товарищей 1951 год, когда в конце марта на полярную станцию пришло срочное задание: в десятидневный срок сделать сквозной ледовый разрез к северу от острова. Сквозной – значит до кромки ледяного припая, до самой воды. Попутно сообщили, что кромка льда находится от станции приблизительно в 50 километрах. Пятьдесят километров в основном торосистого и труднопроходимого льда. Это примерно до полусотни вручную пробуренных лунок в двухметровой толще льда, столько же определений солености и температуры воды, замеров плотности и высоты снежного покрова, измерений температуры воздуха, направления ветра, визуальных определений балльности торосистости льда.

На станции работали три гидрометеоролога. На ледовый разрез отправлялись я (за старшего), Виктор Пысин – метеоролог и рабочий-газогенераторщик Николай Осипович Данилов (по национальности якут). Начальник станции (по профессии метеоролог) обещал помочь вести метеонаблюдения за время нашего отсутствия. Планировали обернуться с рабочей поездкой за 5-6 дней. У нас была хорошая упряжка из десяти рослых колымских собак, но и груз был приличный – до трехсот килограммов. Кроме оборудования, оружия и продовольствия мы захватили с собой небольшую брезентовую палатку, дрова и керосин. Продовольствия взяли на 9-10 дней.

В то время мне и Виктору Пысину было по 21 году, Данилову или Данилычу (так его все звали на полярке) перевалило за 40. На станции он обслуживал аэрологов – готовил к запуску шары-зонды, был опытным охотником и каюром. В нашей экспедиции такой человек был просто незаменим.

Погода благоприятствовала нам: облачность высокая, нередко выглядывало солнце, температура воздуха не опускалась ниже 20 градусов, и было сравнительно тихо.

Настроение у нас было бодрое, под стать погоде. Но погода в Арктике обманчивая, буквально в течение нескольких часов штиль может смениться на шторм. И я вспоминаю разговор с начальником станции Василием Петровичем Бучиным накануне нашего отъезда:

Жаль, что нет у нас переносной радиостанции. Пригодилась бы вам, а то, кто знает, как еще погода поведет себя, – говорил он, и в его голосе чувствовалась тревога за нас.

Обойдемся без радиостанции. Все будет хорошо. Дней через пять вернемся, – говорю ему.

Я надеюсь, но все же, Саша, будь благоразумен и не рискуй зря. В случае пурги, или сильного торошения, или других непредвиденных тяжелых обстоятельств поворачивайте назад.

Так меня напутствовал наш добрый начальник. А я... рискнул.

Дней через пять вернемся

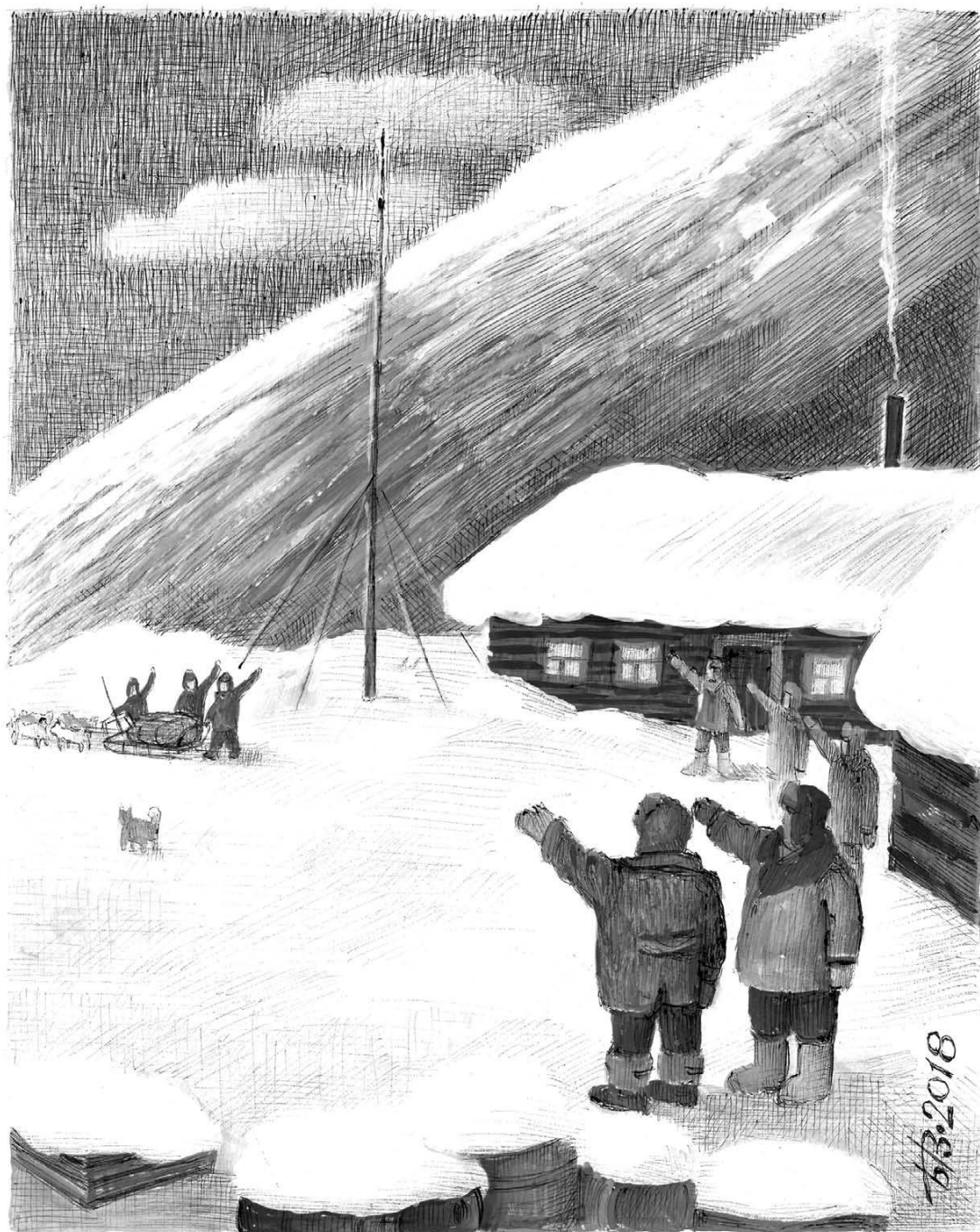
1951 год. 2 апреля.

Выехали рано, в лучах утренней зари. Почти полчаса ехали вдоль острова, ехали споро по хорошо наезженной дороге, называемой столбовой дорожкой. По ней иногда проезжал Данилыч осматривать свои охотничьи угодья, но чаще ребята, выпросив у Данилыча упряжку, прокатывались в виде прогулки по этой безухабистой стежке-дорожке. Василий Петрович поощрял такие прогулки, дескать, пусть ребята развеют свою грусть-тоску. Данилыч отказывал нам только в одном случае: если собаки сильно устали (своих четвероногих друзей он жалел), тогда он бывал неумолим.

Сразу же за островом начались поперечные гряды торосов. Данилычу эти места знакомы – здесь его охотничьи угодья, и он легко отыскивал лазейки между торосами, умело правил упряжкой. Я и Виктор шли, а иногда трусцой бежали за нартой.

Первую остановку, иначе рабочую станцию ледового разреза, сделали в километре от острова. Дальше мы такие станции делали через каждые 600-800 метров по пересеченному, торосистому полю, а по ровному – через 1,5-2 километра. Работу распределили так: Виктор с Данилычем бурят лед, затем замеряют его толщину, определяют температуру и соленость воды. В это время я при помощи снегомера определяю высоту и плотность снегового покрова, делаю описание окружающей местности. Четыре раза в сутки я определяю температуру и влажность воздуха.

За день мы сделали 15 станций и прошли не менее 20 километров. Здорово устали. После работы установили палатку, поели и попили чаю, накормили собак и – спать. Виктор с Данилычем уже спят в своих спальных мешках, Данилыч даже слегка похрапывает, а я вот сижу с дневником, пишу. Это у меня дополнительная работа, работа для себя.

*На пять деньков их провожали,
Но станет с ними что, не знали.*

Самое яркое впечатление на нас произвела первая рабочая станция. Мы с ней управились меньше чем за полчаса. Лед здесь оказался двухметровой толщины, но хорошо отлаженным острым буром ребята его прошли за 20 минут.

В это время всходило солнце. Большое, искрящееся и лучезарное, оно торжественно выплывало из-за торосов, из неведомого далека, и каждая льдина, большая и малая, засветилась радостным разноцветьем, в котором преобладал золотой цвет; казалось, на необозримом пространстве не гряды и глыбы льда, а горы огромных алмазов. Видно было, как солнце заливало остров, прямой наводкой лучами ударило по отвесным базальтовым скалам, и они, казав-

шиеся до этой минуты мрачными, недоступными, словно вдруг озарились улыбкой – светлые блики потекли по черному телу острова. И сразу весь остров преобразился – теперь он похож на огромный храм в праздничный день, казалось, что сейчас оттуда послышится торжественный колокольный звон или польются зовущие звуки мифической трубы.

А солнце вот уже оторвалось от горизонта и словно уменьшилось в размере, но такое же сияющее и горячее, набирая высоту, медленно покатило по безоблачному небу, заливая землю теплым живительным светом и словно говорило, нет, торжественно возвещало: «Я – Солнце, дающее всем жизнь! Все живое на земле славит меня, и я славлю все живое. Живите, люди, живите, звери и птицы, живите, все твари – я для всех нужно, всем одинаково отдаю свои живительные свет и тепло! Хороша жизнь, когда я на небе! Славьте жизнь, она достойна этого!».

Наверное, примерно так думал каждый из нас, молча стоявших здесь и замороженно наблюдавших за восходящим солнцем и преобразившейся окрестностью.

«Хорошо-то как!» – с умилением произнес Данилыч, не отрывая восхищенного взгляда от блестящего позолотой острова.

Пока еще нет художника, который бы достойно отразил эту красоту, – Виктор Пысин, казалось, не дышал и тоже восхищенно смотрел на алмазные торосы.

Меня тоже тронула красота этого чудесного утра, и я сказал:

– Придет время – будут такие художники, как Левитан, Тургенев или даже Лев Толстой. Они по достоинству прославят Арктику, а теперь, ребята, в путь. Солнце уже встает, вон как вверх поползло!

Мы тронулись вперед к ближайшим торосам.

3 апреля.

Утром Данилыч поднял нас в шесть часов. Сам он встал значительно раньше. К нашему подъему он успел накормить собак и приготовить завтрак на примусе, растопить снег для умывания. Обязанности повара добровольно взял на себя Данилыч, этот безотказный и практичный в жизни человек.

– Вставайте, парни, завтрак готов, и работа ждет. Кто много спит, тот мало живет, – приговаривал Николай Осипович, подергивая наши спальные мешки.

Из-за дневника ложился я спать довольно поздно и спал беспокойно от холодного воздуха. Окунешься с головой в спальный мешок – душно, освободишь голову (спим в шапках) – начинает мерзнуть лицо. Мороз-то 18 градусов. Ближе к утру приспособился, оставил небольшую отдушину в мешке и крепко уснул.

Утро было такое же солнечное и лучезарное, как и вчера. И светило почти до вечера. Ближе к вечеру с востока надвинулись плотные облака нижнего яруса и закрыли солнце. Днем температура воздуха повысилась до минус 12 градусов, и такая же сейчас, вечером. Мягкая погода.

Сегодня славно поработали – сделали 20 станций. Средняя толщина льда превышает два метра. Торосы чередуются с неширокими ровными снежными полями. Вот и сейчас, преодолев несколько труднопроходимых, почти сомкнувшихся гряд торосов, мы остановились на ночлег перед огромным снежным полем шириною не менее двух километров. За ним, словно горы, возвышаются торосы. Дальше к северу, ближе к небосклону, темнеет небо. Там должна быть вода. Возможно, завтра мы закончим ледовый разрез.

Должны же нас искать!

5 апреля.

О ужас! Нас оторвало! Сейчас мы находимся на огромном ледяном поле, которое движется в северном направлении, все дальше удаляясь от коренного припая. Как такое произошло? Расскажу все по порядку.

Спали хорошо, крепким здоровым сном. Но ближе к утру, перед рассветом, стали выть собаки. Они разбудили нас. Данилычу пришлось вылезти из своего мешка, чтобы успокоить собак. При нем собаки скулили и вели себя беспокойно. В чем дело? Если бы поблизости шастал медведь, то собаки лаяли бы и рвались бы к нему. Их беспокоило что-то другое. Правда, иногда слышались странные звуки, словно где стреляли: то глухие – в отдалении, то громкие и резкие – поблизости. Так лопается лед, и появляются трещины на нем. Море словно живой организм и по-своему постоянно дышит. Приливы сменяются отливами даже зимой, подо льдом. Происходит сжатие и торошение льда. Во время сильных приливов лед разрывается, образуются трещины, которые иногда тянутся на много километров.

С утра с юга потянул свежий ветерок. Мы не обратили на это внимания, занимались своим делом. За полдня выполнили девять станций. В полдень перекусили, немного отдохнули и снова за работу. Впереди, казалось, совсем близко было видно черное небо, т.е. водное поле, значит, там была открытая вода. Наша работа близилась к концу.

Резко уменьшилась толщина льда. Теперь она не превышала 120 сантиметров. Значит, под нами был более поздний припай, сравнительно молодой лед. На пути встречались небольшие трещины на льду. Одна трещина нас насторожила: она протянулась с запада на восток шириною пять-шесть сантиметров. Тут Данилыч сказал мне:

– Саша, дальше идти опасно. Эта трещина нехорошая, коварная. Здесь может развести лед, разводье будет. Ветер-то в спину нам, с материка. Опасный ветер.

Я понимал тревогу Данилыча, но открытое море было совсем рядом, осталось пройти каких-нибудь три-четыре километра – мы

уже чувствовали его по влажности воздуха. И я стал убеждать Данилыча в противном, что, дескать, за два или два с половиной часа мы обернемся и возвратимся назад, к этой трещине, и что за это время страшного ничего не случится, и что ветер пусть и упругий, но не сильный, всего 10-12 метров в секунду – он с утра такой дует... Меня поддержал Виктор. Уж так нам хотелось побывать у открытой воды, взглянуть на живое море!

*Горько на душе людей бывает,
Когда надежда мимо пролетает.*

– Ты у нас старший, Саша, тебе и решать. Будем надеяться на благополучный исход, – сдался Данилов.

Будем считать, что ледовый разрез мы закончили, задание выполнено. Разгружаем нарты и к кромке припая едем налегке, – сказал я ребятам.

Так и сделали.

Но мы несколько просчитались: до открытой воды было не три-четыре километра, как предполагали, а приблизительно пять-шесть, и торосистость была приличная. На эту «прогулку к морю» мы затратили полтора часа.

Вот оно – открытое море. По поверхности гуляли невысокие волны, на гребнях волн – белые барашки. Воздух влажный со своеобразным морским запахом. Холодное море. Какое-то чужое, враждебное. И страшное, если разбухнет. Вдали, по северному горизонту, видны сплошные торосистые льды, ледяные поля. Выходит, перед нами было не открытое свободное море, а огромная полынья, которая в любое время может исчезнуть, закрыться плавучим льдом.

Я хотел было записать в рабочий журнал визуальные наблюдения, но Данилыч стал торопить меня:

– Потом все опишешь, Саша, нам надо спешить. Ветер крепчает.

Действительно, ветер заметно усилился. Мы заспешили назад, не пробыв у воды и четверти часа. Ветер крепчал с каждой минутой. Тревожно было на душе. Мы торопились, но продвигались довольно медленно: сказывалась усталость. Устали и собаки. Когда перевалили последнюю гряду торосов – ужаснулись: на месте трещины была видна черная полоса воды. Подъезжаем к своим вещам – перед нами полынья шириною метров шесть-семь. Что делать? Виктор предложил через полынью переплыть, предварительно перебросив необходимые в дороге вещи. Я согласился с Виктором, но с поправкой. Быстро перебрасываем через разводье полешки дров, а их немного, и бур. Остальные вещи упакуем в спальные мешки, заворачиваем в плащ-палатку и – на нарту. К нарте привязываем веревку-бечеву и ставим ее на край льдины. В нижнем белье, а лучше нагишом, быстро переплываем разводье и сразу же вытягиваем грузженую нарту. Разворачиваем груз, быстро одеваемся и разводим костер. На эту процедуру уйдет не больше пяти минут, а за это время мы не успеем ооченеть. На этот случай у нас есть НЗ – бутылка спирта. Конечно, тяжело и очень неприятно плыть в ледяной воде, но другого выхода у нас нет.

Но Данилыч забраковал мой план.

– Во-первых, я не умею плавать, – обескуражил он нас. – Во-вторых, строим нарту с грузом в воду – она сразу пойдет ко дну; когда будем вытаскивать, может оборваться бечевка. И мы останемся на льду нагишом. В-третьих, собаки не пойдут в воду.

– Что же ты предлагаешь?

– Я предлагаю перебраться на ту сторону по сухому. Когда отрывается ледяное поле от основного льда, то его разводит, то есть один край отходит, а другой упирается в припай. Нам надо определить этот край.

Мы решили, что нашу льдину разводит с западной стороны, и, захватив с собой самое необходимое, мы двинулись вдоль разводья на восток. Разводье тянулось по ровному полю, но собаки еле плелись, с трудом тащили нарту. Они очень устали, как и мы. К тому же дул очень сильный и холодный ветер. Мы сидели на нарте, каюр шел рядом. Данилыч был выносливее нас.

Проехав с полчаса в восточном направлении, мы наконец убедились, что едем неправильно. Разводье расширялось на глазах, и небо впереди было черное. Повернули назад. Когда дотащились до места, где мы оставили часть груза, сделали пятиминутную передышку. В этом месте разводье было уже вдвое шире прежнего, и теперь о том, чтобы переправиться через него вплавь, не могло быть и речи. Была слабая надежда на западную сторону, и мы двинулись туда. Но скоро разводье свернуло вправо и пошло по торосам. Наш путь преграждали мощные гряды торосов, преодолеть которые мы уже не могли. Собаки валились с ног от усталости. Пришлось вернуться.

Ветер достиг ураганной силы. На месте груза лежал только металлический бур; дрова и палатка отнесены ветром к ближайшим торосам. Среди торосов мы отыскивали место, где ветер был значительно тише; с большим трудом установили и закрепили палатку и, не разжигая огня, вскрыли по банке мороженой тушенки, наспех поели и залезли в спальные мешки. А Данилычу еще нужно было накормить собак. Когда каюр закончил свое дело, мы спали.

Ночью проснулись от сильного шума и грохота. Палатка наша трепетала и хлопала от неистовых порывов ветра. Где-то рядом очень громко скрипело, скрежетало и бухало: шло интенсивное торошение, с грохотом ломался лед. Мы освободились от спальных мешков и стали решать, что нам предпринять. Находиться среди торосов было опасно, но здесь была хоть какая-то защита от ветра, и палатка пока еще держалась. Можно бы выбраться на ровное, более безопасное место, но там нам долго не продержаться под ураганным ветром. Решили пока оставаться, где находились, но быть начеку. Привязанные к потягу собаки тоже бодрствовали и беспокойно поскуливали. Было четыре часа утра. Темнота кромешная. Это перед рассветом.

Скоро забрезжил рассвет. Мы не стали терять время, не стали завтракать, вывели собаку упряжку из торосов. Ветер гудел и мешал идти. Быстро светало. Разводье в ширину теперь достигало не менее 500-600 метров и к востоку еще больше расширялось. Но к западу, заметно было, оно несколько сужалось. Значит, там наше ледяное поле упирается в коренной лед, припай. Скорее вперед – на запад! Вчерашняя ровная неширокая полоса вдоль разводья была местами сильно исторошена, и торошение продолжалось: видно было, как шевелились, вставали торчком льдины, громоздясь друг на друга. Двигаться по такому льду было опасно, но нужно и надо было спешить, чего бы это ни стоило. И мы с опаской для жизни перебирались через живые гряды молодых торосов, если не было возможности их обойти. Вот и то место, где разводье отклонялось вправо, и откуда вчера мы повернули назад. Разводье стало значительно уже, ширина его здесь не превышала и двухсот метров. Это обрадовало нас. Крепла надежда, что мы наконец-то вырвемся из ледяного плена. Дорогу нам преграждали несколько гряд старого торосистого льда. Преодолев их, мы ужаснулись. Проклятье! Как же нам не повезло! И если действительно есть на свете Бог, то почему он так жестоко решил нас покарать?! Перед нами было другое новое разводье шириною не менее 25-30 метров, которое почти под прямым углом отходило от разводья, вдоль которого мы двигались, и уходило в сторону моря, на север.

Все. Приехали, ребята, – безнадежно сказал Данилыч, первым увидевший коварную полынью.

Что же нам делать?! – громко, с отчаянием проговорил Виктор, и на глазах его выступили слезы.

Не надо отчаиваться, Витя. Возьми себя в руки, – стараясь казаться спокойным, сказал я, хотя тоже был потрясен увиденным.

Начинался пасмурный апрельский день. По небу плыли низкие рыхлые сплошные облака, по востоку и северу полукружьем небо было черное от водного поля. Торошение заканчивалось. Иногда где-то за полыней среди припайного льда послышится скрежет или треск разламывающейся льдины, и снова все затихает. Слабел и ветер. Этот ветер, будь он трижды проклят, сделал свое дело: изолировал нас от человеческого общества, засадил нас в такую страшную тюрьму, какой и недругу не пожелаешь.

Мы стояли на своей льдине и молча смотрели на ту сторону, теперь недостижимое для нас ледяное соседнее поле, которое, теперь с уверенностью можно сказать, примыкало к припаю. Окажись мы на той стороне разводья, и наша жизнь пошла бы по другому руслу. По разводью ходили упругие волны в белых барашках и шлепками бились о ледяные берега. До нас долетали соленые брызги.

– Так что же будем делать, Николай Осипович? – нарушил я тягостное молчание. – Может, это разводье не доходит до большой воды и поля смыкаются?

– Вряд ли. Это разводье сквозное. А, впрочем, давай прокатимся вдоль него. Теперь нам спешить некуда. Два часа пробивались мы сквозь торосы к открытому морю. И пробились. Разводье оказалось сквозным. Только теперь оно было значительно шире, метров до двухсот ширины. Наша льдина удаляется от кромки припая и несет нас куда-то в Ледовитый океан, куда – одному богу известно.

По 10-балльной шкале торосистость нашей плавучей льдины соответствовала примерно пяти баллам, и направление торосов было преимущественно с запада на восток. Используя открытые пространства между торосами, мы без особого труда переехали на восточный край льдины, отыскивали подходящее место для стоянки, установили палатку. В море открытой воды почти не было, откуда-то нагнало много плавучего льда. Отдельные льдины достигали несколько сот метров в поперечнике.

Ближе к вечеру каждый из нас занялся своими делами: я – за дневник, Данилыч поехал на южный берег льдины за оставленными нами дровами и буром, а Виктор забрался в спальный мешок: то ли спать, то ли думать горькую думу. Скорее всего, второе.

Ветер приутих: 12-13 метров в секунду, такой не страшен для нашего быта, для палатки нашей... Но то, что он довольно быстро отгоняет нашу льдинку куда-то на север, – уже страшно.

6 апреля.

Проснулись рано, но долго молча лежали в своих спальнях-берлогах, и каждый думал о своем. Неопределенность, некоторая растерянность и страх, душевная боль... А что думать? Теперь уже ничего не придумаешь.

Как спастись? Спасение в одном – взять себя в руки, мужественно и терпеливо ждать, что будет дальше, надеяться на случай... Люди попадали и в худшие ситуации. Правда, и наше положение не из лучших. Впереди ожидание, переживание, бездеятельность и голод, самый страшный фактор – голод. Наши продовольственные запасы на исходе. Что осталось – экономить, с сегодняшнего утра – на полуголодный паек. Экономить горючее. И не скулить. Противостоять суровой и капризной стихии, бороться за свою жизнь, бороться до конца.

Вот об этом мы и говорили утром за завтраком.

Днем осматривали свою льдину, в двух местах бурили. Толщина льда 85-90 см. Сравнительно молодой лед. Зона активного торосения, так что находиться на нем небезопасно. Но сейчас у нас нет возможности перейти на более устойчивый паковый лед.

7 апреля.

Сегодня или завтра, как предполагали, мы должны бы возвратиться на полярную станцию. Послезавтра будут о нас беспокоиться, и тревога будет возрастать с каждым днем. Пройдет еще несколько дней тревожного ожидания, и начальник станции pošлет на Шмидт, на имя начальника района, тревожную телеграмму. Вероятно, будет послан самолет на поиски.

Днем от нечего делать слонялись по льдине, больше около открытой воды. Несколько раз видели всплывавшую нерпу, я даже стрелял по одной, но напрасно. Сейчас весной убитая нерпа держится на плаву минуту-другую, а затем тонет. Достать ее нет возможности. Нужна выброска, то есть деревянный, утыканный гвоздями колючий шар на длинной бечевке. Он забрасывается чуть дальше убитого зверя, цепляет его, и туша подтягивается к берегу. Кстати, Данилыч из полена что-то мастерит наподобие выброски. У него нашелся гвоздь, который он загоняет в полукруглую чурку, вытаскивает гвоздь и в отверстие протаскивает кусочек проволоки.

Вчера и сегодня питаемся впроголодь. И собаки на голодном пайке. «Постарайся, Данилыч, выручай своей выброской. Сейчас нам позарез нужна убитая нерпа».

8 апреля.

Охотились на нерпу, но неудачно. Зверь чаще появлялся на поверхности на почтительном расстоянии и был недосягаем для нашей выброски. Данилыч убил нерпу близко от берега (ледяного), не дальше 25 метров. Трижды забрасывал выброску: один раз недолет, дважды деревянная болванка падала около туши зверя, но не зацепила, и вскоре убитая нерпа скрылась под водой. Ближе к вечеру Виктор убил еще одну нерпу на почтительном расстоянии, метрах в пятидесяти от припая, за что Данилыч поругал охотника: зачем без пользы бить зверя.

Во второй половине дня появилось солнце, вскоре небо очистилось от облаков, ветра нет, температура воздуха минус 18 градусов – прекрасная погода.

А на душе тяжело. Тревожно.

9 апреля.

Подстрелили еще одну нерпу, и снова неудача. Она продержалась на поверхности воды меньше минуты и затонула. Нерпа любопытна, но и осторожна. После оглушительных выстрелов из карабинов зверь теперь показывает свою морду из воды на почтительном расстоянии от берега. На нерпу следует охотиться с малокалиберной винтовкой.

Ведем полуголодный образ жизни. Но пока держимся в норме. Собакам труднее. Когда мы поедаем свой скудный продукт, то прячемся от собак в палатку или за палатку. Но их трудно обмануть. В это время они скулят и повизгивают. Они тоже получают всего четверть суточного рациона.

Предполагаем, что наша льдина дрейфует в северо-восточном направлении. Вокруг нее со всех сторон плавучий лед. Теперь от берегового припая льдина ушла на десятки километров, и он едва просматривается в бинокль за плавучими льдами.

10 апреля.

Стоит чудесная погода. На чистом небе – лучезарное солнце. Оно пригревает и слепит. Пользуемся светозащитными очками. С охотой на нерпу ничего не получается. Да ее что-то меньше стало. Пока есть небольшой запас продуктов. А как кончится? Вся надежда на охоту. Постоянно хочется есть. Организм пока держится за счет ранее приобретенных «соцнакоплений».

Есть надежда, что нас будут искать и обнаружат. Сегодня мы присмотрели площадку для посадки самолета. Хорошая площадка. Завтра на ней поработаем, удалим неровности, посшибаем заструги.

Погода хорошая – тихая, солнечная, днем температура воздуха повышается до минус 16 градусов. Подольше бы постояла такая погода!

11 апреля.

Весь день проработали на льду, готовили посадочную площадку. На всякий случай. Снежные заструги стали как бы ледяными – так под воздействием ветра уплотнился снег.

Идет десятый день нашего пребывания во льдах. И, конечно, Василий Петрович забил тревогу, сообщил о нас на Шмидт. Должны же нас искать! Может, и так получится: пока в райцентре начальство раскачается, найдут самолет, а за него надо платить, начнут поиски с запозданием, а благоприятная погода ждать не будет. Сегодня она была солнечная и безветренная, но к вечеру на небе появились облака среднего яруса и уже закрыли полнеба. Резко снижается температура воздуха. Сейчас 9 часов вечера, термометр показывает 27 градусов ниже нуля.

12 апреля.

Утром температура воздуха понизилась до минус 34 градусов. С запада стал надвигаться туман, погода меняется. И весь день в тумане, видимость не превышает трехсот метров.

Ох и тошно проводить время в бездействии да еще голодными! А что поделаешь? Надо привыкать, свыкаться с этим.

13 апреля.

Весь день – туман. Неба не видно. Температура воздуха в полдень 26 градусов.

14 апреля.

Чего боялись, то и случилось. Слышали шум пролетающего немного западнее нашего лагеря самолета, но из-за тумана мы его не могли видеть. Конечно, не видели и нас. Настроение у нас не из лучших. Возможно, нас ищут не первый день. Конечно, туман, что накрыл нас, локальный и занимает незначительную часть территории по сравнению с огромным сектором Восточно-Сибирского моря. И нас ищут в основном на «бестуманной» части ледового пространства. Не найдут и успокоятся. И спишут нас, как без вести пропавших.

Для подкрепления сил и духа сегодня съели двойную норму по сравнению с прошлыми днями, или половину нормального дневного рациона. Так же покормили и собак. Все же мы надеемся на фарт в охоте.

15 апреля.

Туман. Видимость увеличилась до 500 метров. Но небо почти не просматривается. Оно закрыто облаками, солнца нет. Ветра нет, но льдина, чувствуется, не стоит на месте, а движется куда-то на север... с какой скоростью, мы не знаем.

То и дело ходим к открытой воде, надеясь подстрелить нерпу, но ее не видно. Правда, видели лахтака (морского зайца), но на почтительном расстоянии. Этот морской зверь значительно крупнее нерпы, но более осторожен.

К северу и востоку от нашей льдины много мелкого плавучего льда.

16 апреля.

Вчера поздно вечером, ближе к ночи, туман рассеялся; обнажилось небо в тяжелых лохматых облаках. Утром повалил густой крупный снег при западном ветре. И весь день идет снег, ветер усиливается. Пурга во льдах. Тяжёлое для нас явление. Палатку заносит снегом. Для нас это и лучше. Теплее в палатке, и ее не сорвет ветром. На ровных местах снег не задерживается. Ветром его сметает к грядам торосов или сносит в открытое море.

Коротаем время, как можем. То лежим в спальнях мешках, то вылезаем из них поразмять кости, что-нибудь рассказываем друг другу о своем прошлом, а из палатки носа не высунуть. Только Данилычу пришлось дважды выходить из палатки кормить собачек. Собаки жмутся ближе друг к другу, лежат, свернувшись клубочком. А их постепенно заносит снегом.

Температура воздуха –21 градус, температура в палатке –11 градусов. Для приготовления пищи мы пользуемся примусом, что повышает температуру воздуха в нашем тесном убогом помещении.

18 апреля.

Поздно вечером 16-го снег перестал, но ветер усилился, и началось мощное торошение. Внушительное и грозное это явление природы – ледовое торошение. Толстые, различной величины мокрые льдины выдавливаются изнутри вверх по склонам движущейся гряды торосов. Некоторые крупные льдины поднимаются так высоко, что переваливаются через вершину гряды и с глухим грохотом скатываются на противоположную сторону. Кругом стоит оглушительный грохот, слышны зловещие стоны и скрипы. Картина не для слабонервных. Мы удалились метров на триста от эпицентра торошения, установили палатку. Залезли в спальные мешки, но уснуть не успели. Где-то рядом раздался оглушительный треск. Мы мигом – из спальных мешков и вон из палатки. Совсем рядом, шагах в десяти от нас, вспучился лед. Смотрим, как со стоном и скрежетом лезет вверх зеленоватая тупорылая льдина, рядом еще. Зашевелился лед. Торосит молодой лед, на котором торошение более интенсивное.

Забеспокоились, заскулили и завыли собаки, но мы держались, спокойно обсудили создавшуюся обстановку. Решили выждать, что будет дальше, и быть начеку. А куда идти, когда кругом лед торосит и не знаешь, где лучше будет. А здесь рядом торосит, но на глазах, и в случае чего – мы успеем вовремя уйти отсюда.

Эту ночь мы не спали. В темноте жутковато слушать эти зловещие стоны и скрипы, и собаки беснуются: влаивают, воют. Ад кромешный. Терпим, выжидаем. Ближе к утру Данилыч вышел из палатки и через несколько минут вернулся встревоженный.

– Вставайте, парни, – громко сказал он. – Надо уходить. Совсем рядом шевелится. Гряда торосов расходится, шире стала, к палатке подходит, не накрыло бы нас.

На небе между редких облаков – всполохи полярного сияния. Рядом мы чувствуем близость ледового вала и слышим, как с хрустом перемалывается молодой лед. Быстро свертываем палатку и отходим от коварного места еще метров на двести. Закрепили нарту, собаки успоко-

ились. Расстелили палатку на льду, залезли в спальные мешки. Холодно. Ветер с боков холодит, а куда денешься? Лежим, ждем. На грохот торошения теперь уже не обращаем внимания.

Наступило утро, но ветер не стихал, и торошение продолжалось. Иногда среди общего грохота раздавались как бы пушечные выстрелы – так лопается лед. В этот день мы дважды меняли стоянку лагеря – нас сгоняло с места начинающееся рядом с палаткой вспучивание льда.

К вечеру ветер стал стихать, но торошение льда продолжалось с прежней силой. И вторую ночь мы не спали. Только к утру торошение прекратилось и стих ветер. А когда рассвело, установился полный штиль. И тишина...

Льдина наша вся была обезображена торосами и испещрена множеством трещин. Некоторые трещины достигали 10-12 сантиметров ширины. Ясно было, что это поле из молодого льда скоро будет разодрано на множество более мелких льдин, так что оставаться здесь было опасно. Нам нужно искать более безопасный многолетний паковый лед.

Так куда же нам направить свой путь? На юг и восток пути отрезаны огромными разводьями, на запад – сплошные торосы, а за ними, по всей вероятности, тоже вода. А что к северу? Там тоже была широкая полынья, но накануне она заполнялась плавучим льдом.

Мы преодолели несколько гряд торосов и вышли к бывшему разводью. Теперь здесь было не разводье, а какое-то ледяное месиво. Отдельные льдины, а их было очень много, были как бы сцементированы плотной ледяной крошкой, сплошной шугой. Такое месиво простиралось километра на четыре до следующего ледяного поля, вероятно, пакового льда. В бинокль было видно, что торосы там были старые, сглаженные и белые от затвердевшего на них снега. Да, это наверняка был многолетний полярный паковый лед. Мы решили перебираться на этот лед.

Шуга была плотная и хорошо выдерживала человека, но выдержит ли нарты с грузом? Решили рискнуть. Пустили собачью упряжку, придерживаясь близости вмерзших в месиво льдин. Я шел впереди, за мной Данилыч с упряжкой, сзади, держась за баран нарты, Виктор. Шли осторожно, с опаской, но и старались скорее перейти это опасное место. Ведь достаточно было переместиться большим льдинам – и поле молодого льда уже расползлось, как шуга, по которой мы двигались, зашевелится и тоже начнет расползаться... но все обошлось. Правда, как выйти на твердый лед, возникла преграда – неширокая, примерно 20-метровая полынья. Но мы обошли ее с западной стороны и благополучно вышли на огромную многолетнюю льдину. Вглубь удаляться не стали. Разбили лагерь в ста шагах от кромки ледяного поля на уютной небольшой ровной площадке, со всех сторон окаймленной невысокими торосами.

После непродолжительного отдыха я более двух часов ходил по незнакомому ледяному полю. Здесь гряды торосов почти равномерно чередуются с довольно просторными снежными равнинами. Здесь тоже видны следы торошения, но менее интенсивного, чем на молодом льду. Встречаются и небольшие трещины. Я пришел к выводу, что эта льдина надежна и безопасна. Далеко к северу темнелось водное небо. Там чистая вода.

Ближе к вечеру мы обсудили план дальнейших наших действий. Лед находится в постоянном движении: ледяные поля расходятся и снова смыкаются. Решили, что, как только на юге исчезнет водное небо, а это означает – лед сомкнулся, будем двигаться в сторону материка. Только бы не развело нашу льдину здесь, около шуги. Но есть надежда, что шуга смерзнется окончательно, укрепится и превратится в молодой лед.

Мороз крепчает. Температура воздуха уже достигла 32 градусов.

19 апреля.

Сегодня в полдень нашу льдину оторвало от шугового поля. Разводье увеличивается на глазах. И на этот раз нам не повезло. Продуктов осталось на день. Послезавтра переходим на собачий корм. Будем делиться с собаками, а, пожалуй, вернее, собачки будут делиться с нами своим кормом. Но и собачьего корма даже по урезанной норме нам едва ли хватит на неделю.

20 апреля.

Льдина наша далеко ушла от шугового поля. Теперь оно еле-еле просматривается простым глазом. Обнаружили свежий след медведя. Но самого хозяина Арктики пока не видели.

21 апреля.

Перешли на собачий корм – старую замороженную нерпятину. Сварили и попробовали: ничего, есть можно. Начинает сказываться полуголодание. Порой находит недомогание, хочется прилечь, а то появляется слабость в ногах. Самый слабый из нас Виктор. Сегодня днем у него закружилась голова, он побледнел, и мы его уложили на спальные мешки. Спустя полчаса прошло, встал на ноги.

Часто ходим к воде, да вот нерпы нет.

23 апреля.

Однообразные дни. Сегодняшний день похож на вчерашний, и впредь дни будут такие же. У нас все помыслы о еде. Давно нет хлеба, сахара, масла и других продуктов. Едим мерзлятину-нерпятину, и то далеко не досыта. Данилыч сегодня убил отошавшую, самую слабую из собак, разрубил ее на мелкие куски, не снимая шкуры, и кормил собак, а те с жадностью пожирали своего собрата.

Я заметил Данилычу, что это не выход, что если мы будем собак кормить собаками, то останемся совсем без собак.

– Другого выхода нет, – говорит практичный каюр. – Лучше пожертвовать несколькими собаками, чтобы другие остались в живых. Иначе все они сдохнут от голода. А если наша охота так будет продолжаться, то и нам придется собаку жрать.

– Да ты в уме ли, Николай Осипович? Как это можно! – с возмущением говорю ему.

– Голод заставит. Он уже сейчас нас за глотку берет. Нерпятинки-то осталось на два дня; килограмм растянем на два дня? А дальше как будем жить?

– Может, подстрелим кого, – говорю в ответ неуверенно.

– Хорошо бы. А если нет? Недели через две копыта откинем, сдохнем вместе с собаками, – Данилыч как бы ругался. Я впервые видел его таким возбужденным и озлобленным.

Мы слабеем с каждым днем, слабнут ноги. При ходьбе ноги тяжелеют, может и качнуть. Утром голова тяжелая, часто шум в ушах. Но это цветики, ягодки-то впереди.

А льдина наша уходит на север в сопровождении сонмища мелких льдин. На самолет больше не надеемся. Допустим, что нас сейчас ищут, но невозможно на огромном пространстве среди разводий и хаоса торосов отыскать, увидеть маленькую палатку, кучку людей и собак.

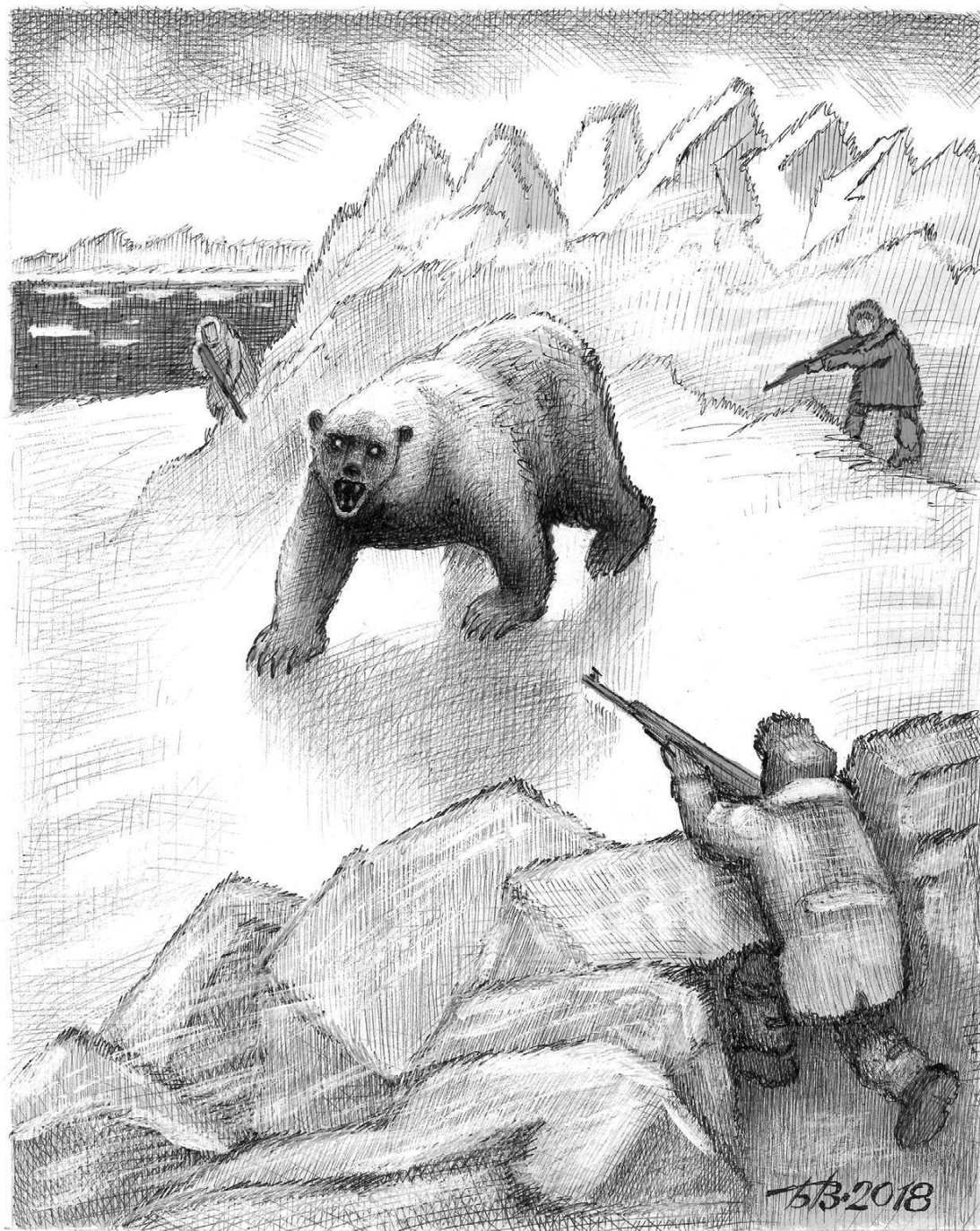
Надеяться на чудо?

Неужели медведь?!

25 апреля.

Сегодня к нашему лагерю пытался подойти медведь. В обед, если его можно так назвать, мы съели последнюю порцию нерпятины. Затем я взял карабин и отправился к чистой воде, на восточный берег, так мы его стали называть. Шел и ради охоты, и ради прогулки, я старался больше двигаться. Шагах в сорока от палатки параллельно береговой кромке протянулась невысокая застарелая гряда торосов. Дальше до самой кромки – метров двести ровного ледяного пространства.

Я поднялся на торос и оторопел. Из воды на кромку льда поднимался медведь. Вот он вышел на лед, отряхнулся, повел по сторонам носом и, не спеша, заковылял в мою сторону. Я скатился с тороса и, как позволяли силы, побежал к палатке. Как только я сказал о медведе, ребята – за карабины. Быстро решили: я и Данилыч расходимся в правую и левую стороны метров на сто вдоль гряды торосов, чтобы обжать зверя с флангов. Дойдя до гряды, медведь может пойти вдоль нее в ту или другую сторону, и кто-то из нас должен его достойно встретить. Виктор, к этому времени достаточно ослабевший физически, должен оставаться на месте, вблизи собак. И если медведь перейдет гряду торосов, он будет стрелять в него. На это сил у него хватит.

*Добыть медведя – у всех одно желание,
Не ради прихоти, а ради выживания.*

Но у Виктора, к сожалению, хватило сил на большее. Пройдя шагов сто двадцать вдоль торосов, я не без труда взобрался на вершину гряды; от напряжения и волнения шумело в ушах, чувствовал, как билось сердце, слегка рябило в глазах. Вижу: медведь неспешно шел к нашему лагерю и находился в полусотне метров от торосов. Я замер, сидя на корточках. Думаю: если зверь пойдет в мою сторону – стреляю в него в упор сверху. А если он полезет на гряду, то по возможности скорее захожу ему с тыла. Наверняка Данилыч примет такое же разумное решение. На Виктора особенно не надеемся. Он сгоряча может промахнуться или

только ранить сильного зверя, и тогда тот быстро развернет назад, перемахнет через торосы и бросится к спасительной воде. Мы не должны допустить этого.

Но план мой не осуществился. Неожиданно раздался выстрел. Медведь повернул назад и как бы лениво побежал. Через несколько секунд – второй выстрел. Зверь побежал быстрее и скоро оказался в воде. Торопясь, я спустился с торосов и тоже бегу к воде. С противоположной стороны гряды торосов спешит Данилыч. К кромке льдины подбежали почти одновременно. От нас до медведя уже было не менее сотни метров. Я хотел сгоряча стрелять, но Данилыч остановил меня.

– Побереги патроны. Стрелять бесполезно, – сказал он. Действительно, допустим, убьешь зверя, но его же не достанешь из воды. Отдышавшись, мы побрели к своему лагерю.

Виктор сидел возле палатки, понурился. Хотели было его строго отчитать за дисциплинированность, но не стали этого делать. Наш товарищ сильно ослабел от голода, у него потемнели десны и стали опухать ноги: наверно, начинается цинга.

– Эх, парень, сколько мяса упустили из-за тебя. И зачем тебя понесло на торосы? – с досадой проворчал Данилыч. Виктор поднял голову. На глазах – слезинка.

Простите меня, мужики, но я как лучше... – поспешно заговорил он. – Думаю, поднимусь на торос, с тороса-то сподручнее стрелять. Вскарabкался на эту гряду, гляжу: медведь рядом, на меня прет. И я выстрелил по нему. Да, видно, промазал.

Ты промахнулся, Витя: наверно, у тебя дрожали руки, – говорю ему. – Но мы же договорились, ты должен оставаться здесь, около собак.

– Мне страшно стало здесь одному. Оторопь нашла. Думаю: как перемахнет он через эту гряду, на собак бросится. А я его мог бы сразу не убить, только ранить. Тогда он меня растерзал бы. А с торосов стрелять безопаснее, вверх медведь раненый не полезет. И вы поблизости.

Я и Данилыч промолчали. Что тут скажешь? Струсил парень. Вечером Данилыч забил еще одну собаку.

– Саша, – говорит он мне, – надо переходить на собачину. Иначе нам хана.

Я наотрез отказался есть собаку. Виктор промолчал.

Данилыч разрубил собачью тушку на мелкие куски, несколько кусочков, что покрупнее и помясистее (хотя какое там мясо?!), отложил в сторону, покормил собак. С кусков собачины каюр снял шкурку, мясо положил в котелок с водой и на примус. Спустя полчаса варево было готово. Данилыч стал уговаривать нас отведать собачатинки. Виктор сразу сдался и с жадностью, торопливо стал обглаживать ребрышки. От собачины я отказался, но выпил грамм 500-600 слегка наваристого бульона и почувствовал некоторую сытость. Перед тем как залечь в спальные мешки, ребята еще раз отведали собачьего мяса в ребрышках, а я допил остатки бульона.

К востоку от нашей льдины дрейфует на север, и в то же время приближаясь к нам, еще одно ледяное поле. Дует свежий южный ветерок, отгоняет ледяные поля в Ледовитый океан. Но я думаю, что скорость и направление льда больше зависят от течения, а ветер лишь помогает течению.

Я стал плохо спать. Другой раз часами лежишь в спальном мешке без сна, ворочаешься с боку на бок и думаешь, думаешь... А то вечером, как сегодня, допоздна, до наступления темноты сидишь за дневником. Сейчас темнеет поздно, ближе к 23 часам. Ночи стали короткие, в три часа уже светает.

26 апреля.

Ребята соблазнили меня отведать собачьего мяса. Кажется, слегка припахивает чем-то и на вкус какое-то пресно-постное. Наверно, таким оно мне показалась потому, что о нем плохо думаешь. А так ничего, с большой голодухи есть можно.

Соседняя льдина заметно приблизилась к нам. Сейчас до нее не более двух километров. В бинокль хорошо просматриваются гряды торосов и отдельные торосы-ропаки¹.

В разводье иногда видим нерпу, но вне достигаемости нашей выброски.

27 апреля.

Наверное, голод скоро доконает нас, если не повезет нам в охоте. Мы сильно ослабли, а Витя Пысин в особенности. Часто тяжелеет и кружится голова, порой перед глазами плавают темные мушки, ноги становятся словно чужие, слабые, а если присядешь, то поднимаешься с большим трудом, опираясь руками в пол. При ходьбе ноги тяжелеют, неуверенность в походке, покачивает. Шум в ушах. Во рту то пресно, то горчит, чувствую, несколько ослаблена умственная деятельность, появилась рассеянность, трудность сосредоточения, особенно в разговоре, некоторая забывчивость, ослабляется память, а также слух. Погода без изменений: низкая облачность, небольшой южный ветер, температура воздуха днем минус 19 градусов.

28 апреля.

Сегодня нам крупно повезло. Завалили медведя, настоящего белого медведя! Теперь мы оживем и собачек поддержим, а то они бесятся с голода. Исхудалые и тощие до предела, а глаза злобные, и сами становятся злые до бешенства. Это колымские собаки, и в них, наверное, имеется частичка волчьей крови. Теперь у нас упряжка будет из семи собак: двух мы забили, и одну сегодня убил медведь.

Как прошла охота на медведя, завтра опишу. Сегодня я очень устал.

29 апреля.

Утром и в обед лакомились медвежатиной. Правда, не досыта, далеко не досыта. Мы прекрасно понимаем, что сейчас после довольно длительного голодания есть досыта очень опасно, но как трудно удержаться от такой еды. Если бы не мудрый Данилыч, мы бы не удержались от соблазна и съели хотя бы еще по такой порции вкусного душистого мяса.

А порция составляла около 200 грамм. После завтрака мы с нетерпением ждали обеда с одной думой: как бы еще поесть.

Ночью у нас слегка прихватило желудки, хотя и съели-то вечером всего грамм по 150 медвежатины. Утром после завтрака у меня опять стало тяжело на желудке, но после обеда вроде обошлось. Сейчас 3 часа дня, и через два часа мы должны еще немного перекусить и попить чаю, а в 9 часов вечера, перед сном, – поужинать. Так мы выходим из голодания. Завтра можно кушать посытнее.

А теперь опишу, как убили мы вчера медведя.

Ближе к вечеру я поднялся на гряде торосов, и стал рассматривать в бинокль окрестность и разводье, и обнаружил метрах в двухстах от ледяного берега крошечное желтоватое пятно с черной точкой. «Медведь», – мелькнула мысль. Я еще несколько секунд рассматривал это пятнышко на воде: оно медленно двигалось в нашу сторону. Сомнений больше не было: это был медведь. Я спустился с тороса и заспешил к лагерю.

– Ребята, Данилыч, в ружье! С соседней льдины к нам гость жалует и уже на подходе! – выпалил я и тут же присел: закружилась голова, перед глазами замелькали темные мурашки.

– Неужели медведь?! – обрадовано вскрикнул Данилыч.

– Он самый, собственной персоной. Через пять-шесть минут высадится на нашем острове.

Данилыч, молча, выхватил у меня бинокль и бросился к торосам. Спустя минуты две он вернулся, крикнул возбужденно:

– Парни, быстро собак на привязь!

– Зачем? Собаки нам помогут задержать его... – пытался я возражать, но Данилыч негромко, сердито и резко перебил меня:

---

¹ Ропак – льдина в торосах, стоящая ребром.

– Собаки могут испортить все дело! И не возражай мне,

Саша, сейчас командую я! Привязать собак к потягам – минутное дело, они были рядом.

– А теперь, парни, слушайте меня внимательно. Ты, Саша, заходи справа и будь осторожнее, зря не высовывайся из-за торосов. Я зайду с левой стороны, и мы берем его в кольцо. Главное – отжать его от воды. Витя, ты находишься здесь. Как услышишь выстрел – быстро спускай собак.

Данилыч был в ударе и заражал нас своей энергией:

– Пошли Саша, надо торопиться.

Мы все трое понимали, что от этого медведя зависит наша жизнь. Не убьем сейчас медведя, то через несколько дней при подобной ситуации нам с таким сильным зверем уже не справиться: у нас не хватит сил.

Отойдя от лагеря шагов на сто, я взобрался на торосистую грядку и осмотрелся. Медведь уже подплывал к льдине. Вот он быстро выбрался на лед, отряхнулся, понюхал воздух и спокойно пошел в сторону нашего лагеря. Когда подошел к торосам, снова повел носом по сторонам и, видимо, учуял меня. В следующий момент зверь зашпешил в противоположную сторону. Он не дошел до засады Данилова шагов сорок и вдруг неожиданно и быстро перебрался через нагромождения льда. Данилыч стал преследовать зверя, а когда заметил, что тот его обнаружил, выстрелил. Медведь рыкнул и крутнулся на месте. Затем на *махах*² пошел в сторону нашего лагеря. Данилыч еще выстрелил, но промахнулся. Вымахнув из-за ропаков, зверь резко остановился: перед ним были свора беснующихся собак и человек. В это время несколько собак Виктор уже успел освободить, и они тут же бросились к зверю. Тот – к торосам, к спасительной воде. Его настигли три собаки, и остервенело стали набрасываться на него. Медведь стал отгонять их, но тут одна за другой подбегали другие собаки, и скоро вся свора закрутилась вокруг зверя. Грозный рык могучего зверя тонул в бешеном лае осатаневших собак. С двух сторон спешили к этой своре я и Данилыч. Данилыч находился ближе и выстрелил первым. Но зверь словно отрезвел после второй раны и, не реагируя больше на собак, а те буквально висли на нем, пошатываясь, тяжело пошел вдоль гряды торосов навстречу мне. Данилычу нельзя стрелять – мог задеть меня. Медведь глухо ревел. На желто-грязной его шее расплзлось кровавое пятно.

Я встал на колено и, стараясь унять трясущиеся руки, стал целиться в голову зверя, выстрелил. Медведь рухнул замертво. Собаки жадно слизывали теплую кровь, и нам стоило немалого труда отогнать их от убитого зверя.

– Двухлетка, молодой самец, – определил Данилыч. – Был бы матерый – вряд ли нам дался бы. Матерого медведя и собаки не остановят, тем более наши доходяги.

Слегка пошатываясь, подошел Виктор.

– Ну что, Витя, здорово напугался? – весело спросил Данилыч.

Было маленько. Не ожидал, что он так близко окажется. Последних двух собак не мог отвязать, руки ослабли. Пришлось ножом по потягу.

Правильно сделал, Витя, не растерялся, – похвалил Данилыч и тут же распорядился: – Я и Саша будем свежевать медведя, а ты, Витя, иди готовь горячую воду. Скорее испробуем готовой медвежатинки.

Когда шкура была снята, освежеванную тушу разрубили на несколько частей, сложили мясо на лед и накрыли тяжелой сырой шкурой.

Собаки были рядом и повизгивали от нетерпения. Каждой из них Данилыч бросил по небольшому куску мяса.

---

² Идти на *махах* – скачками, очень быстро бежать.

– Больше нельзя, иначе подохнете. Завтра получите больше, – говорил каюр своим подопечным. Затем отрезал кусок мяса посolidнее и, дразня им и увлекая за собой стаю, направился к стоянке.

Теперь у нас осталось семь собак. Одна собака по кличке Серый лежала с распоротым животом недалеко от лагеря, где стая схватилась с хозяином Арктики. Серый был вожакom в упряжке, и Данилыч очень жалел о нем.

Собак мы ограничили на первый раз в пище, но значительно труднее было ограничить в еде себя. В котелке варилось ароматное нежное мясо. Запах его действовал на нас раздражающе, заставлял то и дело глотать скудную слюну. Казалось, ел бы его, пока не насытился, но мудрый Данилыч был неумолим. Каждому отрезал по одинаковому небольшому кусочку, примерно грамм по сто пятьдесят, остальное убрал с глаз подальше, когда Виктор подсказал ему, а я поддержал, что, дескать, неплохо бы съесть еще по такому кусочку, он твердо отрезал:

– Не дам. После такой продолжительной голодовки первое время есть надо очень мало. Иначе можно умереть.

Ночью одна собака перегрызла свой ремень и до отвала наелась. Утром мы увидели ее около своего мясного склада сильно раздувшеюся, с посоловевшими мутными глазами. Вскоре она издохла.

– Собака не волк, – сказал Данилыч, – тому такая процедура нипочем. Собаке, как и человеку, выходить из голода надо постепенно.

Теперь у нас осталось всего шесть собак: три кобелька и три сучки. Одна из них через месяц должна ощениться.

30 апреля.

Третий день как выходим из вынужденного голодания. За ужином мы поели почти досыта, и собак хорошо покормили. Настроение стало подниматься, и силы понемногу прибывают. Ледяное соседнее поле на юге сомкнулось с нашей льдиной, а напротив нас пока еще существует узкое клинообразное разводье. Утром здесь гуляла нерпа. Данилыч убил ее совсем близко от кромки льда и достал при помощи своей выброски. Это был самец весом около 60 килограмм. Как только нерпу вытащили на лед, Данилыч тут же под задним ластом, заменявшим хвост, вырезал ароматную железу. Если этого не сделать, то мясо будет отдавать керосином. Так бывает только у нерп-самцов.

Ближе к вечеру в просветы между облаками стало проглядывать солнце. Ветер утих. Погода налаживается. Тихо и спокойно кругом. Вокруг не заметно никаких признаков жизни, везде простирается унылая устрашающая пустыня льда и снега.

1 мая.

На материке сегодня отмечают большой весенний праздник. В Москве военный парад, ликующие шествия, демонстрации. А у нас... Да что говорить об этом, раз такое случилось с нами. Но и мы – несчастные пленники океана – тоже отпраздновали день 1 Мая. Пусть скромно, но отметили. Не пожалели бензина, на примусе отварили мясо медвежье, мясо нерпичье, печень нерпичью, язык медвежий. Котелок наш сравнительно небольшой, вместимостью 2,5 литра, так что пришлось делать две варки да еще чай приготовить.

Готовить Данилыч начал с 7 часов утра, и спустя два часа мы садились за праздничный стол. Выставили свой НЗ – бутылку спирта. Конечно, выпили немного, грамм двести на троих, и захмелели. Из закуски больше всего понравилась нерпичья печенка и язык медвежий. Если бы еще по кусочку хлеба – было бы совсем хорошо. Соскучились мы по хлебу.

Спели несколько песен. Мы с Виктором спели песню «На кораблях ходил, бывало, в плавань». Данилыч ее не знал, но последние две строчки каждого куплета пел с нами. Интересно, как у нас получилось? Пели куплет песни:

Нет, не по мне краса в чужом окошечке,

*В чужих краях бродил я много дней.
Но не оставил там души ни крошечки, ей-ей,
Она для милой Родины моей,
Она для милой Настеньки моей.*

И вот когда повторяли последнюю строчку, каждый из нас вместо Настеньки вставил имя своей любимой. Я пропел: «Лидочки моей», Виктор – «Милочки моей», Данилыч – «Шурочки моей». Все трое рассмеялись. Тут Данилыч пояснил:

– Ваши Лидочка и Милочка вряд ли будут вас ждать, и вы их уже почти забыли, а моя Шурочка, жена моя, обязательно будет меня ждать. И я ее не забуду, а вы, парни, еще молоды, у вас еще будут милочки.

– Если не сгинем здесь, во льдах, – сказал Виктор.

– Не сгинем, – уверенно произнес Данилыч. – Не вешайте носы, парни. У меня нет большой тревоги на душе. Мы вернемся домой.

Я согласился с Данилычем, Виктор промолчал и задумался. Затем мы в сопровождении собак сделали небольшую прогулку на соседнюю льдину, которая полностью сомкнулась с нашей. Правда, Виктор дальше нашей льдины не пошел, он еще слаб. Вернувшись в палатку, он залег в спальный мешок и спал до ужина.

3 мая.

Убили еще одну нерпу на примкнувшей к нам льдине, у лунки. Здесь лед сравнительно молодой, и на нем с осени нерпы устраивают отдушины и поддерживают их все морозное время. В зимнее время лед быстро нарастает, и углубляются отдушины-лунки. У каждой нерпы имеется иногда несколько таких лунок. Зимой такие лунки служат морскому зверю для пополнения легких воздухом и для отдыха под ледяным куполом. Весной купол разрушается, и животные подолгу нежатся под солнцем на краю спасительной лунки. При опасной ситуации зверь моментально ныряет в лунку – и был таков, поэтому во время охоты на нерпу у лунки зверя надо бить наповал, при ранении он уходит под лед и там погибает.

Сегодня с перерывами светит солнце, но холодно. Максимальная температура днем –28 градусов, ночью ртутный столбик нашего термометра опускается до –35 градусов. Хотя какая сейчас ночь – сравнительно светло, по всему северному горизонту полыхает красновато-малиновая с золотистым отблеском заря.

Сейчас мы не голодаем, но пища архиоднообразная: мясо медвежье, мясо нерпичье. Был бы еще хлеб и сахар да картофель. Я уж не говорю об овощах и фруктах, которые и на полярной станции почти не ели, кроме квашеной капусты да сухого картофеля. За последние дни мы заметно окрепли, правда, Виктор поправляется медленно. Цинга у него вроде бы приостановилась, но десны продолжают кровоточить. У меня тоже кровоточат, когда чищу зубы. У Данилыча десны вроде в порядке, но он не чистит зубы.

Пока у нас в достатке чай и соль. Данилыч любит крепкий чай, и он прихватил с собой по пачке плиточного и индийского. Я об этом не знал и взял у повара еще пачку индийского чая. Не шикаем, но чай пьем, хотя и без сахара.

И соли прихватили килограммовую пачку, и бензин пока есть. Интересно с ним получилось. Начальник станции попросил механика найти емкость и снабдить нас бензином для примуса в дорогу. У механика подходящей емкости под рукой не оказалось. Он нашел небольшую 30-литровую железную бочку из-под подсолнечного масла и полностью заполнил ее горючим. Когда Данилыч узнал об этом, то отказался брать в дорогу лишнее горючее, дескать, нам и десяти литров хватило бы. Но механик отказался переливать бензин из большой емкости в малую. Берите, говорит, всю бочку, холодно будет – обогревайтесь бензином, он, дескать, и на льду горит. Ворчал каюр, но эту бочечку взял. И она нам пригодилась! На сегодняшний день у нас осталась почти половина бензина. Дрова-то мы уже использовали.

Мы очень похудели. Теперь одежда, и верхняя, и нижняя, висит на нас, как на скелетах. И, кажется, греет хуже.

Похолодало. Нас с Виктором донимает холод. Сейчас мы находимся в экстремальных условиях, и наши одежда и обувь негодны здесь. Одеты мы в полушубки и ватные брюки, обуты в унты, как у летчиков, на голове – ватные шапки-ушанки с кожаным покрытием. Данилыч экипирован словно чукча. На плечах – кухлянка, поверх кухлянки – камлейка, ватные брюки, на ногах – торбаса, на голове – меховая шапка. Его торбаса теплее наших унтов и значительно легче. Конечно, мы же не предполагали, что с нами подобное случится. На дорогу в пять-шесть дней такая одежда и обувь вроде и неплохи. Да что теперь говорить об этом.

С южной стороны исчезло водное небо. Значит, там сплошной лед. Нам надо немедленно идти на юг, но Виктор еще слаб, да и собачья упряжка слабовата, обессобачилась.

5 мая.

Морозно. В воздухе ледяные иглы. Днем минус 33 градуса. В палатке холодно. Западный ветер перешел на северный силой 6-7 м/сек. Движемся мы на север. С какой скоростью – не знаем. У нас нет секстанта, а поэтому не можем определить по солнцу свои координаты. Знать бы, на какой широте находимся и как далеко удалились от своей родной полярной станции.

На полярной станции «Остров Четырехстолбовой» имеется хорошая библиотека. Я выискивал и прочитывал все, что связано с исследованием Арктики. Подлинной находкой для меня оказались ежемесячные научно-публицистические журналы «Советская Арктика». Их было много, за несколько лет. В этом журнале описывались некоторые экспедиции по исследованию высоких широт. Все экспедиции тщательно готовились, хорошо продумывались и снабжались всем необходимым, особенно продовольствием. Учитывались и худшие варианты.

А что получилось с нами? Мы ведь тоже были маленькой экспедицией по исследованию полярного льда до кромки припая. Нас отправили наспех, непродуманно, и не был учтен и продуман худший вариант. А Арктика – баба капризная, вот она и показала нам худший вариант. Мы оказались беспомощными в таких условиях. Нет у нас ни связи, ни приборов для определения своего местонахождения. Хорошо, что догадались бинокль с собой захватить.

Сейчас не помню, но кто-то из полярных исследователей сказал, что шансы на успех имеет только тот, кто планирует путешествие длительно и методично. Мы же свое путешествие планировали в спешке, теперь расплачиваемся. Оказались мы в царстве враждебной бурной погоды и предательски опасных плавучих льдов, оторванные от людского мира, лишенные всякой связи с ним, всякой информации.

Нам следовало идти на юг, в ту сторону просматривается лед, и небо светлое, при таком морозе все полыньи покрыты льдом, обстановка для нашего ледового похода довольно благоприятна, но подводит Виктор. И упряжка слабовата. Собаки, кажется, окрепли, но их мало, а груз тяжелый.

6 мая.

Утром встали, дрожа от холода. На ночь обувь не снимали, но и в унтах ноги без движения слегка мерзли. Виктор ухитряется забраться в свой спальный мешок в полушубке. Он узкоплечий, худощавый, и ему это удастся, но все равно ночью мерзнет. В палатке-то, как на улице.

Утром за горячим завтраком еще раз обсудили свое трагическое положение и решили немедленно двигаться в сторону материка, благо пока позволяет погода. Будем двигаться, согреваться – и то дело.

Виктор уверяет нас, что вполне здоров и может участвовать наравне с нами в этом походе. Но мы-то видим, как он еще слаб. Как ему хочется вырваться из цепких тисков ледяной пустыни!

И мы решили: по ровному полю Виктор едет на нарте, а когда встречаются гряды торосов, а их будет очень много, я помогаю товарищу преодолеть ледяные завалы, а упряжку Данилыч берет на себя.

Наш груз в основном составляет медвежье и нерпичье мясо. Дров теперь нет, большую часть бензина сожгли, метеорологическое оборудование не тяжелое и не объемное, а металлический бур я решил не брать с собой. Всего груза набиралось килограмм 170 (без Виктора). Это вполне сносный груз для шести собак.

Мы свернули свой лагерь и в 11 часов тронулись в тяжелый путь. Без особого труда перешли крепко смерзшееся шуговое поле и вышли на место, где недавно были свидетелями страшного торосения. Как мы и предполагали, то поле расплозлось на множество больших и более мелких льдин. Теперь они торжественно и молчаливо возвышались среди покрытых ровным льдом разводий, и лед был достаточно прочен, чтобы выдержать нас. Спустя час мы вышли на еще более разреженное ровное поле молодого льда. Это была та самая полынья, которая долго отражала водное поле.

Только ближе к вечеру мы перешли эту ледяную равнину и вышли на более зрелое, наполовину торосистое поле. Здесь мы и разбили свой лагерь. Изрядно устали.

Виктор держится молодцом, правда, значительную часть пути он ехал. Дорога и погода сопутствовали нам. Весь день светило солнце, температура воздуха повысилась до -25 градусов, и у нас бодрое настроение. По нашим расчетам мы сегодня прошли не менее 25 километров. Начало неплохое.

7 мая.

С утра часа полтора шли по средней проходимости полю, но затем начались труднопроходимые гряды торосов, так что иногда приходилось работать топором. Так продолжалось до шести часов вечера. Приходилось часто отдыхать. Затем вышли на замерзшее разводье метров 500 ширины – и снова торосистое поле. Здесь среди торосов мы и установили палатку. За день прошли не более 7-8 километров. Теперь перед нами более проходимое поле, и сегодня можно бы пройти еще несколько километров, но Виктор еле стоит на ногах. Такая дорога ему не под силу. Погода, как и вчера, – мороз и солнце.

8 мая.

Упорно движемся вперед. Торосистые льды вперемежку с неширокими, покрытыми молодым льдом разводьями. День солнечный, безветренный и морозный. За день прошли не более 15 километров.

9 мая.

Сегодня большой праздник – День Победы, но этот праздник не для нас. Девять часов, отдыхая накоротке, мы до изнеможения прорубались сквозь льды на молодом исковерканном торосами и многочисленными трещинами поле. К шести часам вечера мы выдохлись окончательно. Недалеко просматривается широкое замерзшее разводье, но дойти до него у нас уже не хватило сил. Между торосов нашлась ровная снежная площадка, здесь мы и установили палатку.

На материке сегодня у людей праздник, а у нас – тяжелейший день. За час мы проходили не больше километра.

Невольно закрадывается сомнение: есть ли смысл продолжать дальше путь; ведь результаты наших неимоверных трудов слишком малы. А главное, мы идем вслепую, совершенно не зная расстояние до цели, как далеко нас отнесло на север. Предполагаем, что за месяц мы удалились от своей полярной станции километров на 400-450. А может, больше или меньше. Не знаем. Какова ледовая обстановка впереди? Тоже не знаем. Если будет такая, как сегодня, – нам такой путь не преодолеть. И позволит ли погода? Здесь суровая и капризная Арктика. Не все будет ясное солнышко, тишь и гладь, может и заштормить, и заторосить. Сейчас ветра нет,

полный штиль. В Арктике так бывает нечасто. Вот и думаешь сейчас – откуда задует ветер? Не дай бог, с юга.

Но праздник и мы отметили. Всем чертям назло! За ужином выпили по несколько глоточков разведенного спирта, разомлели от выпитого, а больше от усталости. Посидели, поговорили и разошлись по спальным мешкам. Ребята быстро уснули, а меня сон не берет, такое у меня часто бывает. Светло. Ближе к северу светит кроткое северное солнце. Промыкавшись без сна более часа, я вылезаю из спального мешка и сажусь за дневник.

12 мая.

Утром 10 мая поднялись рано, но двигаться на юг было невозможно из-за очень плотного тумана. Собаки находились между двух ропаков метрах в десяти от палатки, но они еле-еле просматривались. Откуда такой туман? Образовался на месте или нанесен со стороны?

Штиль. Ни звука. Мертвая, угнетающая тишина, словно мы находимся в каком-то другом мире. Так было несколько часов. Сквозь туман желтым расплывчатым пятном просматривалось солнце. Воздух сырой и холодный, хотя термометр показывал всего минус 20 градусов.

Ближе к полудню с юго-запада потянул свежий напористый ветерок, который быстро усиливался, и спустя час тумана как не бывало. Ясно было – погода резко меняется. Теперь жди очередной каверзы от госпожи погоды. И действительно, вот откуда-то с запада сплошной стеной надвигаются низкие разбухшие темно-серые облака, и вскоре они закрыли солнце и заполнили все небо. Сразу стало как-то неуютно, мрачно и жутко вокруг.

Во время обеда рядом с нами раздался гулкий грохот и треск. Мы бросились вон из палатки и увидели, что наше ледяное поле трещит и раскалывается. Одна трещина была совсем рядом и прошла между палаткой и собаками. От нее в стороны отходили еще несколько трещин. Ближняя трещина заметно расширялась. Что делать? Собак перевести сюда или самим перейти на ту сторону? Решили пока палатку не сворачивать, а перевести сюда упряжку. Грохот нарастает, усиливается ветер – начинается сжатие и торошение льда. Мы оказались в неблагоприятных условиях, на молодом льду, который всегда подвержен более интенсивному торошению.

Между тем льдины разводило все больше и больше, и спустя час с небольшим трещина превратилась в пяти-шестиметровое разводье, которое увеличивалось на глазах. К юго-востоку оно становилось шире, а в противоположную сторону сужалось. Пока опасность нам не угрожала, так как интенсивное сжатие и торошение шло севернее нас, а южнее – ледяные поля разводило, и там было спокойнее. Хотя торошение шло везде: и спереди, и сзади нас. Опасно будет, когда после развода льдины снова сойдутся и начнется сильное сжатие. Тогда торошение может достигнуть нашей палатки.

К югу от нас, там, где находилось замерзшее разводье, слышались скрипы, громкие вздохи и шипение. Я не удержался и, невзирая на сильный ветер и торошение, пошел к разводью. Когда я добрался до него, то передо мной предстала грозная впечатляющая картина разбушевавшейся стихии. Под колоссальным напором соседнего ледяного поля молодой ледок в разводье со скрежетом и шипением вспучивался, ломался и крошился. И тут возникали мелкие временные торосы, которые вскоре должны исчезнуть в бурных волнах открытого моря.

В эту светлую майскую ночь мы несколько раз выходили из палатки, еще раз укрепляли костыли – держатели основания палатки, потому что под напором неистового ветра наше слабое жилище содрогалось и трепетало. А разводье все расширялось.

Утром следующего дня внезапно повалил густой снег, а ветер достиг ураганной силы. Мутная холодная снеговерт. Видимость ограничивается несколькими метрами. Ветер проникает в палатку, задувает мелкие крупинки снега, от которых нарастают маленькие сугробики. Кругом стоит ужасный вой, стоны, грохот – ад кромешный! Так продолжалось весь день и ночь, и только сегодня к полудню снег прекратился.

В палатке холод – мерзнем. За тонкими стенками палатки свирепая пурга, снежный хаос и сплошной гул. Все смешалось: и грохот от торошения, и вой ветра. Тяжело и собакам. Свернувшись клубочками, животные терпеливо переносят невзгоды погоды. Собак быстро заносит снегом. От сильного ветра снег уплотняется, так что собак приходится между кормлением поднимать на ноги и освобождать от снега, иначе они могут погибнуть.

Опасаемся за палатку, она вся трепещет и поскрипывает от ураганного ветра. Ветер может сорвать палатку, вырвав из плотного снега костыли оттяжек, или, что еще хуже, искорректировать трубчатый металлический ее каркас. Но пока палатка держится.

Днем снег перестал, видимость улучшилась, но пурга продолжается, и ветер свирепствует по-прежнему. Продолжается сильное торошение. С улучшением видимости мы обнаружили, что южнее нас совсем близко наша льдина, а может, в нашу льдину уперлось другое ледяное поле, ломает и крошит лед. Вероятно, ту оторвавшуюся льдину развернуло, и южный край ее уперся в нашу. Теперь оставаться нам здесь опасно, разумнее сменить стоянку. Но куда? При ураганном ветре невозможно вновь установить палатку. Решили выждать и быть начеку, ведь мощное торошение совсем рядом, на глазах корежит и крушит лед, вздыбливаются вверх льдины.

13 мая.

Ночью пришлось сворачивать свой лагерь: торосило в нескольких шагах, да и палатка поехала набок, ветер все-таки слегка погнул металлические трубчатые опоры. Подняли собак, погрузили вещи и палатку на нарту и с немалым трудом отошли метров на двести к центру ледяного поля. На льду расстелили палатку, поставили на бок груженую нарту с подветренной стороны и снова залезли в спальные мешки. Потянулись мучительные и томительные для нас минуты и часы, мы страшно мерзли. Мороз и свирепый, пронизывающий ветер. К нашему счастью, к утру ветер стал стихать, а утром часам к восьми и совсем прекратился. Это нас спасло. Если бы такой ветер продолжался хотя бы до полудня – вряд ли мы бы вынесли такое испытание, наверное, погибли бы от холода.

Сжатие и торошение прекратились, и стало до жути тихо. И вот откуда-то с севера стал напозать плотный белесый туман. Значительно повысилась температура воздуха, стало заметно теплее, а воздух, казалось, стал тяжелым и душным, мы оказались словно в гигантской ловушке. Тяжело и душно.

15 мая.

Туман продолжается, плотный, сырой и душный. Температура воздуха днем и ночью почти одинакова – минус 16-18 градусов. Время тянется долго и мучительно. Лежим в своих мешках, а больше бродим поблизости от своего пристанища. Больше молчим и, наверное, тупеем. У Виктора явно цинга – кровоточат десны. Питаемся только мясом, которое страшно надоело. А что дальше?

17 мая.

Вчера, ближе к вечеру, с юго-востока потянуло ветерком, и вскоре туман разогнало, сквозь разрывы облаков мы увидели лучезарное и долгожданное солнце. Наконец-то мы могли осмотреться вокруг и оценить свое местоположение. Со всех сторон, кроме западной, открытая вода, среди которой видны плавающие льды различной величины.

Лед вокруг нас сильно искорежен и обезображен многочисленными торосами и трещинами, так что здесь оставаться небезопасно. Вечером мы с Данилычем пошли в западную часть нашего ледяного острова на разведку. За два часа мы прошли не больше пяти километров – такая была сильная торосистость льда. Из-за усталости дальше не пошли. Мы все еще находились в зоне молодого льда, но впереди и сравнительно недалеко в бинокль угадывался паковый лед. Вдалеке, ближе к горизонту, просматривалось водное небо – там чистая вода. Она далеко, до нее не менее 12-15 километров. К северу и югу от нас открытое море было значительно ближе. Я прикинул, что мы находимся на обширном ледяном поле не менее как 10 на 20 кило-

метров. Оно неоднородно и состоит из примкнувших друг к другу огромных льдин молодого и пакового льда. Паковый лед более устойчив против торошения и безопаснее для нас, и нам надо быстрее перебраться на него.

Сегодня утром мы двинулись на запад и только к вечеру вышли к открытой воде, преодолев более двадцати километров торосистого льда. Трудный, изматывающий был путь. Особенно трудно было Данилычу и собакам. Нарты часто застревали в торосах, иногда перевертывались. Приходилось часто отдыхать. Лагерь разбили на удобной небольшой снежной поляне, защищенной от ветра грядами торосов и отдельными нагромождениями вздыбленного льда. Подходящее нам место, до воды – рукой подать, не более сотни метров, что очень важно для охоты. Наши продовольственные запасы на исходе, да и надоело старое перемороженное мясо, хочется свежего, особенно нужна печень морского зверя. Она спасет нас от цинги.

20 мая.

Утром убили нерпу недалеко от берега. Подтянули ее к кромке льда выброской. Наелись свежего мяса, а печень только для Виктора, цинготника. У меня тоже слегка кровоточат десны, особенно нижняя, но пока терпимо, и я считаю себя здоровым. Пока здоровым.

Установилась ясная погода, и солнце уже не заходит. Мы находимся в ледяном царстве. Снег и льды ослепительно блестят, искрятся, переливаются чудесными радужными красками, особенно при низком солнце. В дневное время пользуемся очками, иначе заработаешь «снежную болезнь» глаз. Стало теплее. Днем ртутный столбик поднимается до минус 9 градусов.

23 мая.

Сегодня убили двух нерп. Третья нерпа затонула. Теперь мясом мы обеспечены, но этого недостаточно. Организм остро нуждается и в других продуктах. Нужны сахар и овощи, хотя бы консервированные. Начинаем ощущать как бы отлив сил – иногда вдруг как бы затуманятся глаза или слегка закружится голова, слабеют ноги. У Виктора цинга прогрессирует, начинают опухать колени. Он больше отлеживается, и мы уговариваем, а то и насильно заставляем его делать вблизи палатки прогулки. Погода прекрасная: солнечно и тихо.

25 мая.

Дни однообразные и бесцельные, хотя погода стоит прекрасная и теплая для этих широт. Сегодня ртутный столбик показал минус 5,5 градуса. Золотым блеском светятся под солнцем застывшие льдины. Красиво. Но мы равнодушны к чарам природы, как бы тупеем. Чего-то ждем, на что-то надеемся. А чего ждать-то нам и на что надеяться? Так уж видно устроен человек, что и при полной безысходности надеется на лучшее. Вдруг произойдет чудо? Но, как говорят, чудес на свете не бывает. Пусть и так. У нас тяжелая ситуация, но мы все же надеемся.

27 мая.

Утром Данилыч вбежал в палатку с криком: «Парни, подъем! По правому борту земля!». Я, а вскоре за мной и Виктор выскочили из палатки. По небу гуляли, и довольно высоко, разрозненные, в широких просветах голубого неба облака. Ближе к горизонту они скучивались, туманились, закрывали солнце. На северо-востоке по горизонту даже невооруженным глазом просматривался какой-то остров... и немаленький. Я стал рассматривать его в бинокль. Левая, то есть северная часть острова – гористая, дальше к югу тянулась длинная с понижением гряда. «Что это за остров? – думал я, передавая бинокль Виктору. – Какие острова могут встретиться на нашем пути? Вероятнее всего, острова Генриетта и Жаннетта. А если нас отнесло в западном направлении, то можем увидеть еще два острова – Вилькицкого и Жохова, но это маловероятно. Мы все это время дрейфуем в северном или северо-западном направлении, и ветры дуют с южного сектора. Как помню, по описаниям, эти все четыре острова небольшие, по размерам не превышают наш Четырехстолбовой, а может, и меньше, и не идут в сравнение по размерам с этим островом-гигантом, который сейчас перед нами. «Но что же это за земля? Что за чудо? – я терялся в догадках. «А может, остров Беннета?» – мелькнула мысль. Беннета довольно круп-

ный остров, и его можно сравнить с этим, что перед нами. Но остров Беннета находится западнее или юго-западнее островов Жаннетты и Генриетты и на почтительном расстоянии. Если это остров Беннета, то значит, что мы дрейфуем в основном не на север, а на северо-запад.

– Что будем делать, командир? – прервал мои размышления Данилыч. – Это какой-то остров, а какой – шут его знает.

– Это остров Беннета, самый большой среди островов Де-Лонга, – с уверенностью сказал я.

– Беннета... острова Де-Лонга. Не слышал о таких островах, – удивился Данилыч. – Они что, не наши? Не американские ли?

– Нет, Данилыч, это наши острова. В прошлом веке их открыла экспедиция американского исследователя Де-Лонга.

– Саша, а ты уверен, что это Беннета? – спросил Виктор.

– Другого не может быть. Как помню, по описанию, другие острова Де-Лонга маленькие, гористые, вершины их покрыты льдом. Я запомнил о поверхности Беннетты. Остров сравнительно большой и, конечно, на нем должны быть и гористые, и равнинные площадки. Думаю, что этот остров – остров Беннета.

Тогда нужно срочно двигать к этому острову! – горячо подхватил Виктор. – С Беннетты переберемся на Генриетту. Там должна быть полярная станция.

Была полярная станция, Витя, теперь закрыта. Но мы должны попасть на эту станцию, пусть и безлюдную. Как далеко от нас этот остров? – и я взял бинокль. – Километров 70-80, не менее.

Виктору показалось, что остров ближе, каких-нибудь в полсотне километров, но Данилыч согласился со мной. А у него глаз наметанный, охотничий глаз.

– Послушайте меня, ребята, – говорю своим товарищам. – Сейчас этот остров от нас находится к северо-востоку. Мы дрейфуем на север с некоторым отклонением к западу. Когда мы поравняемся с островом, он будет у нас к востоку, мы несколько отклонимся к западу, расстояние между нами и островом немного увеличится. Допустим, расстояние будет 80 километров, и мы должны пройти этот путь по торосистому льду. Но мы не знаем, с какой скоростью мы сейчас дрейфуем и когда мы поравняемся с островом. Я предполагаю – через сутки, максимум двое суток. Затем мы будем отходить, то есть удаляться от острова.

Выходит, за это время мы должны выйти к острову, пройти 80, а может, и больше километров? – тревожно спросил Данилыч. – Это же невозможно по такому льду. Тем более на пути будут встречаться и разводья.

Эх, мать твою мать! – зло выругался Виктор. Последний шанс уходит из-под ног. Теперь то нас унесет в Ледовитый океан!

Успокойтесь, ребята, – говорю им. – Не все потеряно. Вы забыли о береговом припае. Должен же у такого острова быть береговой припай! У Четырехстолбового он составил километров 45. Думаю, у этого острова не меньше. По плавучему льду мы пройдем километров сорок, может, чуть больше. Нам лишь бы достигнуть припая, а там можем не спеша.

– Это другое дело! – обрадовался Данилыч. – Но надо торопиться, – и каюр стал быстро спускаться с тороса.

Я забыл раньше упомянуть о нашем наблюдательном пункте – торосе. Когда мы обосновались на этой снежной полянке, то обратили внимание на выделявшийся среди льдин проходившей рядом гряды огромный торос. К нему словно припаялись еще несколько различной величины, но меньших размеров льдин. Получилась как бы ступенчатая пирамида. И что было важно для нас, вершина этого тороса была не острой, как у других, а совершенно плоской. Взобраться на такую льдину несложно даже ослабшему Виктору. Для удобства мы дополнительно в стене тороса вырубили еще несколько ступенек. С такого наблюдательного пункта было видно далеко вокруг. Мы его использовали в целях охоты: смотришь, не появился ли

поблизости медведь, не показалась ли нерпа около ледяного берега. Удобный торос и находится рядом.

Пока Данилыч готовил завтрак, мы разобрали палатку и снарядили нарту. Застоявшиеся собаки повизгивали от нетерпения в ожидании предстоящего похода. Данилыч их уже успел плотно накормить. Интересное это животное – северная рабочая собака! В изнурительном походе она выбивается из последних сил, но стоит ей достаточно отдохнуть, как она ждет и снова с удовольствием отправляется в тяжелую дорогу.

Перед завтраком я решил еще раз взглянуть на остров. «Что за чертовщина?» – невольно вырвалось у меня. Равнинная часть острова, напоминающая хвост доисторического пресмыкающегося, была разорвана надвое и сильно удлинена, а северная гористая часть еще больше взгорбилась и теперь была похожа на спину двугорбого верблюда. Солнце уже освободилось от облаков, и наша Беннета сильно полиняла, из темной превратилась в серую, затуманенную.

– Да остров ли это? – вслух произнес я. – Мираж да и только!

За завтраком я поделился своим сомнением по поводу острова с товарищами. Виктор меня не поддержал:

– Такое бывает, Саша! Это явление рефракции, – горячо возражал он мне. – В результате рефракции с отдаленным предметом происходит подобное. Он может увеличиваться, подниматься, искажаться. Короче говоря, здесь наблюдается рефракция в морском пространстве.

– Может быть, и так. Только почему этот остров так быстро полинял под лучами солнца и стал похож на облако? – возражаю я.

Данилыч, наспех перекусив, быстро поднялся и заспешил к наблюдательному пункту. Вскоре оттуда послышались недовольные взволнованные выкрики:

– Рефракция! Беннета! Проститутка ваша Беннета! Тоже мне ученые-метеорологи, облако за остров приняли!

Я бегом к торосу, за мной Виктор. Стал смотреть в бинокль, хотя и простым глазом все было видно. Два горба пресловутого острова расплзлись в стороны и поднялись над горизонтом, а оторвавшийся раздвоенный хвост превратился в обыкновенные два облачка. Исчезло видение острова. Это был оптический обман глаз, обманчивое явление природы. Я передал бинокль подоспевшему Виктору.

– Ну как, Витя, видишь свою рефракцию? – ехидно спросил Данилыч. И ко мне: – И ты хорош, Саша. Беннета... острова Де-Лонга! Тоже мне ученый-метеоролог! Чуть не сорвались с такого места.

– Ладно, Николай Осипыч, не ворчи, – примиряющее говорю я ему. – Ты тоже обманулся. Природа подшутила над нами.

Мы несколько секунд молча смотрели друг на друга и вдруг разом все трое расхохотались. Смеялись долго, до слез. Это была разрядка.

Вдруг Виктор вскрикнул:

– Мужики! Смотрите, нерпы! – и показал на ближайшее разводье. На воде вблизи от нашего берега были видны две головки морского зверя. Нерпы – звери любопытные, и, наверное, они слушали доносившиеся до них наши голоса.

Одну нерпу мы убили и вытащили из воды.

Три выстрела

29 мая.

До сегодняшнего дня сравнительно теплая, солнечная, тихая или слабоветренная погода сменилась на противоположную. Сегодня с утра подул холодный, свирепый северяк, небо заволжало низкими тяжелыми облаками, и повалил густой снег. Стало холодно, но терпимо. К вечеру снег перестал, и ветер пошел по часовой стрелке – перешел на северо-восточный и не превышает 15 м/сек.

Кругом белым-бело от свежеевыпавшего снега. Снегом прикрыты накануне появившиеся снежницы – небольшие озерки талой воды на льду. К нашему ледяному полю примкнуло множество других ледяных полей и льдин различной величины, и вся эта огромная масса льда куда-то движется. Сегодня северный ветер, вероятно, задержал движение льда, а может, и несколько отогнал его к югу. Но я думаю, что направление движения льда больше зависит от морских течений.

Мы сейчас, вероятнее всего, находимся в северо-восточной части акватории Восточно-Сибирского моря. Напрягая память, я вспоминаю, что раньше читал о полярных экспедициях Нансена и Де-Лонга. Корабль Де-Лонга «Жаннетта» в этой части Восточно-Сибирского моря когда-то дрейфовал в северо-западном направлении. В это же время. Несколько позже корабль Нансена «Фрам» дрейфовал западнее Новосибирских островов, но дрейфовал тоже в северо-западном направлении. По нашим наблюдениям и предположениям мы движемся в северном или северо-западном направлении. Наверное, не по прямой, а больше зигзагами, но тянет нас ближе к полюсу. Водные течения действуют по своим природным законам, но в данном случае движутся от мелководной части моря к глубинам.

Знать бы, где мы сейчас находимся? Я предполагаю, что нас должно вынести к островам Де-Лонга. А дальше? Дальше просторы Ледовитого океана. Будет, что будет.

31 мая.

Восточный ветер разрядил лед и дальше продолжает разводить ледяные поля. Западнее нас и совсем близко образовалось широкое

и необозримое в длину разводье, по которому ходят в белых гребнях волны. Об охоте на нерпу не может быть и речи, а мясо на исходе.

*Видят остров. «Какой?» – гадают.
Разочаруются, когда узнают.*

1 июня.

Перед нами теперь уже не разводье, а открытое море. Лед еле виден на западе. К северу и к югу – водное небо. Ветер продолжает крутить по часовой стрелке. Теперь дует с юго-востока и заметно стихает. Солнца нет, небо в низких слоистых облаках.

После обеда, как обычно в погожие дни, я поднялся на свой наблюдательный пункт для обозрения окрестности. К северу по кромке льда я сразу же обнаружил медведя. До него было не больше полукилометра. В бинокль я рассмотрел медведицу и двух небольших медвежат, копошившихся над убитой нерпой.

Спустя полчаса я и Данилыч находились уже около пирававших зверей. Перед нами дилемма: убивать или не убивать? Нам нужно мясо, наши запасы кончились. Но перед нами не медведь, а медведица с малышами! Решили отогнать зверей от их добычи, авось, и нам что-то осталось. Если же медведица поведет себя агрессивно – стрелять!

Мы вышли из-за тороса, держа наготове взведенные карабины. Завидев людей, медведица несколько секунд смотрела на нас, затем недовольно заурчала и слегка шлепнула лапой одного из медвежат, глодавшего мясо, поспешно заковыляла вдоль кромки льда прочь от нас. Мы видели, как она дважды останавливалась, торопила медвежат и вскоре исчезла за ледяными ропаками. В воду она не пошла, как бывает часто с другими медведями. С ней были дети.

Не успели звери скрыться из виду, как неожиданно для нас откуда-то появились бело-снежные, довольно крупные птицы. Недолго покружив над остатками медвежьего пиршества, птицы опустились на мясо и стали жадно клевать его. Это были белые полярные чайки, встречающиеся только в высоких широтах Арктики. Они, вероятно, пасутся около белых медведей и кормятся около них. Мы подошли совсем близко, когда чайки взлетели и с криком стали кружить над нами. Нерпа была обглодана, тщательно очищена от жира, съедены внутренности и половина туши. Примерно с пуд мяса осталось и нам.

– Сытая мамаша была, а то бы так спокойно не ушла, – сказал Данилыч.

– Слава богу, – добавил я, – не пришлось грех на душу брать.

Мы решили прогуляться вдоль ледяной кромки с целью охоты. Если не удастся подбить нерпу, то к вечеру вернемся сюда и заберем медвежий подарок. Как только мы отошли на несколько шагов, чайки снова опустились на мясо. Их было всего полдюжины, и много они не съедят.

Вечером нам посчастливилось убить и вытащить из воды лахтака, иначе, морского зайца. Этот зверь значительно крупнее нерпы. И все же мы решили забрать остатки прежней нерпы на корм собакам. Запрягли собак, и Данилыч поехал. Спустя минут двадцать слышим выстрелы – один, другой, третий... Три выстрела. И осатанелый лай собак.

Оставив больного товарища около палатки, я поспешил к Данилычу. Когда прибыл на место, увидел: Данилыч уже снимает шкуру с убитого медведя. Медведь – крупный самец и очень тощий, старый.

– Неожиданно получилось. Собаки почуяли зверя – рванули. Ну, думаю, мамаша вернулась. Успел перевернуть нарту в торосах и закрепить ее остолом. Остановил собак. Выхожу к воде: верно, медведь. Только «Федот, да не тот». Худой, длинный и очень голодный. Ест и давится мясом. Стреляю. Он рявкнул, крутанулся вокруг себя и снова за еду. Только с третьего выстрела завалил его окончательно. Старый. Охотиться ему трудно, вот и ходит за медведицей – подбирает, что останется, – рассказывал Данилыч.

Уже поздно вечером наварили медвежатины и досыта наелись. Виктор отказался от медведя – ему сварили лахтачью печенку.

Виктор правильно сделал, что отказался от медвежатины. Сейчас по времени час ночи (ночь при солнце), и я заканчиваю описывать события прошедшего дня. Да вот беда, уже час как я мучаюсь животом. То и дело позывы на двор, так же и Данилыч. Может, мы перебрали за ужином медвежатины, или медведь оказался больным? Скорее всего, последнее. А Виктор спит спокойно.

2 июня.

Прошло два месяца, как мы покинули свою родную полярную станцию. Сейчас она для нас такая родная и такая далекая. И такие там милые люди. Я уже не говорю о Большой земле. Сейчас бы очутиться на полярной станции, и то для нас был бы рай, но таких чудес на свете не бывает. Остаются одни воспоминания.

Погода пасмурная, низкая сплошная облачность. Нулевая температура при умеренном юго-восточном ветре. С перерывами сверху сыплет снежная крупа, понизу метет поземок.

Проводим время, как можем. С Данилычем охотимся. Сегодня убили нерпу в глубине льдины, у лунки. Вечером я стрелял по медведю, но неудачно. Далековато было, и я, видно, промахнулся. Медведь ушел. Виктору тяжелее. Парень тает на глазах. Он все больше лежит.

От медвежатины отказались в пользу собак. Хорошо, что у меня и Данилыча перестали болеть животы. Отделались легким испугом.

3 июня.

Погода без изменений, но сверху не сыплет, и улучшилась видимость. Утром увидели, что далеко по горизонту на северо-западе чернеет неширокая и невысокая полоса. Может, это остров, верхняя часть которого закрыта низкими облаками? Но мы теперь осторожнее и недоверчивее. Раз уже обожглись на этом. Но все же мы с надеждой и верой в лучшее то и дело всматривались в ту сторону, на эту темную загадочную полоску. После полудня, ближе к вечеру, сменился ветерок на южный, и этот южачок, будь он неладен, принес легкий туман, который скрыл от нас обнадеживающую темную полоску на горизонте.

4 июня.

Почти весь день погода без изменений – туман при видимости до трех километров. Мы волнуемся. Где мы? Куда и с какой скоростью дрейфуем? Остров ли это? А если остров, то не пронесет ли наше ледяное поле мимо? Как долго простоят туман?

Замечаем, что открытое море, что к западу от нас, уже забито плавучим льдом в 7-8 баллов. Что и как дальше – пока не видно из-за тумана.

Но вот сейчас к 10 часам вечера снова потянул южак, разгоняет туман, и на глазах улучшается видимость. Что будет дальше – посмотрим. Какое-то предчувствие – что-то должно решиться. Волнуемся.

Горючее кончилось

5 июня.

Ночью разошелся ветер. Окончательно разогнал туман и стал рвать и гнать куда-то на север надоевшие нам тяжелые низкие облака. На горизонте снова показалась темная полоса, но теперь она казалась ближе и несколько сместилась к западу. Несомненно, это был остров, сверху закрытый облачностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.